

Р. Дж. Баркер

Дракон
В море —
к войне

И Вов Вострях Вораблеи

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Р. Дж. Баркер

Зов костяных кораблей

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Баркер Р.

Зов костяных кораблей / Р. Баркер — «Эксмо», 2020 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-169378-7

Продолжение «Костяных кораблей» – лауреата «Британской премии фэнтези»! Драконы вернулись в мир Ста Островов. Но их возвращение предвещает лишь войну и разрушение. Команда «Дитя Прилива» оказывается втянута в заговор после того, как берут на abordаж терпящий бедствие корабль, чей трюм заполнен умирающими рабами. Заговор настолько порочный, что он заставит Миас и команду усомниться в своей лояльности правителям и начать бороться за свою жизнь. «Это абсолютно фантастическая книга, от которой я был в восторге на протяжении всей истории. Ее обстановка предлагает отличное сочетание странности/новизны и эпического фэнтези: всё, где корабли сделаны из костей дракона, просто должно быть чертовски крутым!» – Кэмерон Джонсон «Мир, полный чудес, в котором мифы снова оживают; путь, залитый кровью, потом и слезами; герои, которые вырвут ваше сердце, нравится вам это или нет. Кто бы отказался от этого?» – starlitbook.com «Внушающие благоговейный трепет декорации, в том числе гигантский морской дракон, поднимающийся из осколков разбитого острова, особенно порадуют поклонников фэнтези». – Publishers Weekly «Блестящее продолжение просто блестящей книги». – daysinotherworlds.com

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-169378-7

© Баркер Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1	7
2	13
3	20
4	22
5	28
6	36
7	41
8	44
9	49
10	52
11	59
12	63
13	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Р. Дж. Баркер

Зов костяных кораблей

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Она оставила Избранника быть супругом корабля,
Лететь по ослепительному морю,
Ходить по сланцу и сияющей кости,
Обещав, что скоро вернется домой.
Она летела высоко, она летела низко.
Греби, команда, греби.
От севера до юга она летела, оседлав шторм.
Греби, команда, греби.
От востока она летела до запада.
Греби, команда, греби.
И всегда думала о доме, хей!
Она всегда думала о доме.
Из «Черного пирата» – традиционной баллады*

1

Принесенные сильным ветром

Волны подобны памятникам: огромные и равнодушные, коронованные ослепительно белой пеной. Замерзавшая соленая вода перекатывалась по палубе «Дитя приливов», хватая неуклюжие ноги; от нее немели руки. Ветер, шум и гнев, такелаж на грани паники поет пронзительную песню о веревке; одинокие верхние крылья максимально раздулись. Лед на канатах, на палубе и лицах моряков, каждое движение несет опасность. Костяной корпус корабля стонет, жалуясь на волны. Женщины и мужчины, завернувшись в плащи, натягивают канаты и брашпили, вяжут узлы холодными, ничего не чувствующими пальцами. Они устали от таких дней и недель, от такой жизни. Но у них нет отдыха, потому что достаточно отвлечься на мгновение, чтобы корабля не стало. Он перевернется, костяной киль будет торчать вверх, а команда окажется в смертельной хватке воды, попадет в жадные руки Старухи.

То было Дыхание Старухи, ярость Северных штормов.

Лишь одна фигура в этом хаосе оставалась неподвижной и терпеливой – она наблюдала. Неизменно наблюдала. Она стояла на корме своего корабля, и, казалось, будто шторм не в силах ее коснуться. «Дитя приливов» подскакивал и раскачивался, огромные волны толкали его то в сторону моря, то к берегу, а потом обратно, но *она* не шевелилась.

Удачливая Миас, ведьма пролива Килхьюм, величайшая супруга корабля из всех когда-либо живших.

– Корабль на горизонте!

Крик наблюдателя – поразительно, что человеческий голос способен пробиться сквозь шум и ярость шторма, – и в этот момент Миас из каменной неподвижности перешла к действию. Она промелькнула мимо Джорона Твайнера, крикнув:

– Корма за тобой, Джорон!

Миас взлетела вверх по главной мачте, словно ветер не грозил швырнуть ее в море, а лопнувшая веревка не могла разрезать надвое.

Далеко внизу Джорон с трудом перемещался по палубе. Брошенное слово, кивок, в ответ сильная рука помогала ему двигаться дальше по постоянно перемещавшемуся сланцу. И все это время он не отрывал глаз от горизонта – серой воды, смыкавшейся с черным небом.

– Поворот на четыре румба по курсу передней тени, хранитель палубы, – раздался крик Миас сверху; его собственный охрипший голос повторил приказ для Барли.

Под неслабеющий шум моря «Дитя приливов» начал поворот. Джорон отдал приказ, но ледяной ветер тут же его унес, а лед в уголках глаз исказил фигуру спускавшейся Миас.

– Хранитель палубы! – голос, способный пробиться сквозь любой шторм. – Рядом терпит крушение корабль, какой-то торговец, он вот-вот сядет на скалы возле маленького острова. – Она придерживала одной рукой богато украшенную шляпу с двумя хвостами, как и Джорон свою – только у его шляпы был один хвост. – Нам нужен ветрогон на палубе и немного спокойной воды, иначе мы сами напоремся на скалы.

– Слушаюсь, супруга корабля. Мы попытаемся их спасти? – спросил Твайнер.

– Или сами погибнем, если такова наша судьба. – Она улыбнулась ему, когда прокричала свой ответ под аккомпанемент горизонтального ледяного дождя: из-за того, что «Дитя приливов» являлся кораблем мертвых, все на его борту были приговорены летать по морям Разбросанного архипелага до тех пор, пока не попадут в объятия Старухи. – Подготовь флюк-лодки и команды. – Вода лилась с краев ее украшенной вышивкой шляпы, капала с носа, собиралась на губах, струйками стекала по иссеченному ветром лицу. – Мы бросим абордажные крюки на борта и оттащим их подальше от скал.

Кости «Дитя приливов» отозвались стоном.

Миас отвернулась от Джорона к стоявшей у руля Барли.

– Держи корабль прямо по курсу, Барли! – Потом она крикнула в ветер: – Серьезный Муффаз! – Мать палубы, настоящий великан, появился из стены дождя. – Помоги Барли с рулем, я не хочу, чтобы мы налетели на скалы. – Она повернулась к Джорону. – Скажи Динилу, что он возглавит команду флюк-лодки. А ты возьмишь крыло-флюк.

– Слушаюсь, супруга корабля, – крикнул он, и дождевая вода тут же наполнила его рот.

Но ее ледяной вкус был несравним с холодом, который Джорон ощутил, услышав имя Динила. Когда-то он и смотрящий палубы были друзьями – даже больше, чем друзьями, – но потом все изменилось, и теперь их разделяла стужа, подобная дыханию Старухи. Он пересек палубу, от ванта до ванта, пройдя мимо ветрогона. Похожий на птицу говорящий-с-ветром был привязан к главной мачте, одежда и перья прилипли к худому телу, и, хотя он почти совсем не походил на человека, ветрогон, спиной прижимавшийся к главной мачте, являлся олицетворением страданий, которые все испытывали от постоянного ветра и холода.

– Не нравится, Джорон Твайнер, – проверещал ветрогон.

Он закрыл клюв, чтобы ледяная вода не попала внутрь. В нем было что-то от южных островов, где царили жара и песок, так что сырость, лед и холод делали его пребывание здесь еще более чуждым.

– Это пройдет, ветрогон, – прокричал он. – Помоги Миас, и нам удастся избежать столкновения со скалами.

– Не нравится, Джорон Твайнер, – снова прокричал он. – Не нравится! – Но Джорон уже прошел мимо.

– Фарис! Фарис! Собери команду для крыло-флюка, – прокричал Джорон.

Девушка – нет, теперь уже женщина – появилась из дождя, и ее покрытое шрамами лицо было почти невидимым под капюшоном плаща.

– Слушаюсь, хранитель палубы, – сказала Фарис. – В такую погоду в море будет мало веселого.

– Не стану спорить, но мы должны спустить лодки. Пусть Динил приготовит флюк-лодку.

– Я скажу ему. – И она исчезла в струях дождя.

Вода снова окатила палубу. Корабль поднимался и падал, поднимался и падал. Джорон страдал от холода и сырости так давно, что уже не представлял, что может быть иначе – хотя прошло не так уж много времени, всего шесть недель. Они шесть недель прочесывали самые северные районы Ста островов в поисках корабля, которого – Миас не сомневалась – вообще не существовало. Избранник Индил Каррад, мастер-шпион Тиртендарн Джилбрин, поклялся, что четырехреберник Суровых островов готовится к рейду. Впрочем, они так жили на своем корабле с тех самых пор, как «Дитя приливов» восстановили, одну миссию Каррада за другой, скорее видимость деятельности, чем настоящая работа.

Миас и Джорон уже не сомневались, что какими бы ни являлись истинные мотивы Индила Каррада, он не хотел, чтобы они находились в Бернхьюме. Джорон считал, что они несут наказание за то, что не убили аракесиана, морского дракона, когда получили приказ, – именно так Каррад рассчитывал прекратить войну. Миас, видевшая во всем самое плохое, была уверена, что в их миссии имеется темная сторона. Она так же мечтала о мире – положить конец войне с Суровыми островами, бушевавшей, сколько она себя помнила, – но в конце концов пощадила кейшана, позволив ему уйти за линию штормов. Теперь же ее тревожило, что достижение их общей цели – заключения мира – придется отложить, и Каррад решил удовлетворить свое тщеславие другим способом.

Однако Миас не рассталась с мечтой о море, где больше не рыщут боевые корабли. За время, что прошло с тех пор, как они отпустили кейшана, она познакомила Джорона с Безопасной гаванью, и он был ошеломлен тем, что сделали Миас и Каррад. В течение семи лет они

вкладывали силы и энергию в свободный город, построенный отвергнутыми, потерянными и нежеланными. Место, в которое Миас едва ли попадет, опасаясь неминуемых шпионов. Место взаимной поддержки и безопасности для тех, кто желает избежать мельницы Ста островов или Суровых островов. Место, продолжавшее расти.

Да, не самое красивое: дороги – грунтовые, люди – грубые, а жизнь в больших хижинах – тяжелая, но Джорон прошел по улицам, восхищаясь тем, что такое место существует. Джорон знал, что Миас испытывает спокойную гордость, и он ее разделял, как и все супруги кораблей черного флота, собравшиеся вокруг Миас. Это стало чем-то вещественным, настоящим, делавшим их борьбу стоящей.

– Флюк-лодки готовы, хранитель палубы, – сказала верная Анзир, тень Джорона. – Динил уже спустил свою лодку и гребет. Вот твой меч.

– Ну смотрящий палубы знает свое дело. – Джорон прикрепил меч к поясу, прямой клинок превосходной работы, подаренный ему Миас, который являлся самой ценной его вещью.

Он скорее утонет, чем расстанется с этим мечом. Скорее попадет в руки Старухи, чем предаст свою супругу корабля.

«Дитя приливов» опускался и вставал на дыбы на гигантских волнах, пространство вокруг большого костяного корабля и маленькой флюк-лодки увеличивалось и уменьшалось, точно жадный рот. Сильные руки Анзир помогли Джорону перебраться через борт, снизу к нему потянулись другие руки – несмотря на его ранг и хорошее знание моря, он так и не научился самостоятельно спускаться с корабля в лодку – ребра и выступы «Дитя приливов» порождали в нем некоторую робость. Несмотря на этот недостаток, Джорона успели полюбить женщины и мужчины команды и помогали, ведь упасть в такую погоду в воду было равносильно смерти. Возможно, легкой смерти, ведь холод заберет тебя прежде, чем найдут морские существа, и все же это смерть.

– Гребите, мои девочки и мальчики, – сказал он, как только благополучно уселся на скамье. – Посмотрим, сможете ли вы догнать лодку смотрящего палубы. Нет, даже больше. – Он повысил голос так, что он разнесся над бурей и волнами. – Посмотрим, сможем ли мы его обогнать.

– Это рассердит Квелл за рулем, – закричала Фарис, – а кто не хочет ей досадить? – В ответ послышался смех, под капюшонами появились улыбки, хотя мускулы напрягались изо всех сил, чтобы работать тяжелыми веслами, и холод стал уходить.

Джорон стоял на носу лодки. Из маленького суденышка море всегда кажется более опасным: волны подхватывали ее и тут же швыряли вниз. Двум членам команды пришлось вычерпывать воду, чтобы их не затопило. Флюк-лодка, обычно такая послушная, просела в воде из-за большого мотка веревки на корме. Джорону было известно, что некоторые хранители палубы способны управлять каждым гребком и движением руля даже в такую погоду, но он к ним не принадлежал; он хорошо знал тех, кто его сопровождал, и верил, что они удержат маленькую лодку на плаву и направят ее в нужную сторону.

Он стоял, глядя на непрерывно менявшийся ландшафт кипевшей воды, стараясь отыскать корабль, который терпел бедствие. В его сознании звучал голос хранителя палубы, во многих отношениях похожий на голос его отца: *«Если сейчас так трудно грести, то насколько тяжело станет после того, как мы привяжем к своей корме громоздкого купца, построенного из коричневых костей? Насколько вероятнее будет шанс перевернуться – и тогда наш приговор будет приведен в исполнение?»*

А за этим голосом звучал другой, который он слышал все чаще и четче с каждым днем. Тот, о котором никогда никому не говорил. Это была песня ветрошпиля, однажды разделенная им с ветрогоном. Когда-то Джорон любил петь, но потом долго ненавидел – воспоминания о том, как он пел для своего потерянного отца, оставались слишком болезненными. Позднее голос к нему вернулся, и многие в команде считали, что именно его пение побудило кейшана

спасти их от верной гибели. И в последовавший за теми событиями короткий период Джорон снова полюбил петь.

И хотя он чувствовал, что его мелодии слегка искажены чуждыми напевами ветрошпиля, помогавшего их ветрогону восстанавливать способность управления ветрами, он теперь был каким-то образом с ними связан. В нем постоянно присутствовало знание о чем-то огромном и в данный момент безмятежном, что двигалось вдоль его разума, вселяло в него искреннюю радость и одновременно пугало.

Вон там!

Сквозь бурю он наконец разглядел хорошо знакомую картину – разорванные крылья корабля, вздымающиеся с палубы, хлопают и трещат под порывами сильного ветра.

– Два румба вправо! – Лодка повернула в нужную сторону после того, как Фарис налегла на руль.

Очертания в тумане стали более отчетливыми, и никаких следов второй флюк-лодки. Несомненно, она пряталась между двумя волнами. Потом Джорон ее увидел, поднимающуюся вверх на гребне волны. Женщины и мужчины гребли изо всех сил, направляя ее вперед. «Клянись сиськами Старухи, это опасно, – подумал Джорон, – торговец велик, и, если они допустят ошибку, флюк-лодка разобьется в щепки, ударившись о борт».

– Гавит!

Юноша поспешил к нему, наклонившись как можно ниже, чтобы не перевернуть лодку.

– Слушаюсь, хранитель палубы.

– Как далеко ты можешь забросить абордажный крюк и не промахнуться, Гавит? – спросил Джорон.

Флюк-лодка исчезла за очередной волной, и не приходилось сомневаться, что она скользит вниз во впадину между волнами, и спуск этот круче склона любой горы. Джорон ощутил головокружение. От этого перехватывало дыхание, которое и без того сковывал холод.

– Я могу бросить на двадцать пять пядей, хранитель палубы, – прокричал юноша сквозь вертикальный дождь, струи которого превращали его кожу в глазурь.

Джорон кивнул, и вода хлынула с его капюшона. Учитывая обычное преувеличение, характерное для молодого дитя палубы, когда он говорил о своих способностях, им придется подплыть ближе, чем Джорону хотелось бы. Кажется, длина флюк-лодки составляет около десяти пядей? Даже если повернуться бортом, они окажутся ближе, чем любой человек в здравом уме посчитает возможным в такую погоду. Две хороших волны, и их разобьет о торговца.

– Тогда приготовься к броску. – Джорон взял абордажный крюк – к концу более толстого буксирного каната была привязана тонкая веревка, – и вложил его в руку юноши. – Чем быстрее мы сможем начать гребсти в сторону от торговца, тем лучше.

Они перевалили через высокую волну, и Джорон посмотрел на корабль торговца. Его команда – не так уж и много, может быть, человек двадцать – бегала по палубе, покрытой льдом. Две большие мачты были сломаны и волочились по воде. Команда отчаянно работала топорами, пытаясь поскорее от них избавиться. За ними находился маленький невысокий островок, один из тысяч, обозначенных на карте крошечными пятнышками, но на нем имелись скалы, о которые мог разбиться корабль, и теперь, когда Джорон уже его видел, песня в нем стала немного громче. Затем флюк-лодка сильно качнулась, и он крикнул, чтобы команда гребла сильнее. Их несло прямо на корпус торговца, но, несмотря на все усилия, лодка продолжала к нему приближаться.

– Фарис! – крикнул Джорон. На них обрушились потоки воды, ветер хватал Джорона, когда он пробирался на корму, через ворчавших женщин и мужчин, изо всех сил налегавших на весла. – Направь нас к носу торговца! – прокричал он сквозь влажный воздух. Лодка набрала скорость. Ветер резко изменился и теперь дул им в лицо. Торговец рос на глазах. – Гавит, будь наготове!

Глаз Скирит, если они врежутся в корпус, им конец!

Взвыл ветер.

Абордажный крюк взлетел в воздух.

Скорость увеличилась еще больше.

– Гребите сильнее, мои девочки и мальчики! Если мы замедлим ход, то станем обедом длинноцепов! – Ему не требовалось кричать, его маленькая команда знала об опасности, и каждый из всех сил тянул свое весло, сопротивляясь холодному морю, норовившему разбить их о большой корабль. Абордажный крюк, вылетевший из руки Гавита, рассекал воздух.

– Поворачивай, Фарис! Поворачивай! – кричал Джорон. Флюк-лодка мчалась вперед, борт торговца продолжал увеличиваться, поднимаясь на очередной могучей волне.

У них не хватит времени.

Слишком быстро.

Верная смерть.

Однако вздымавшаяся волна немного замедлила ход их лодки, и они проскочили перед самым носом торговца – жестоким, грубым и коротким. Джорон смотрел вслед летевшей к цели веревке, увидел, как зарделось лицо Гавита, и уже не сомневался, что бросок получился удачным.

– Я его поймал! Поймал! – Гавит победно поднял веревку абордажного крюка.

Джорон прыгнул вперед, и его кулак сбил юношу на дно лодки. Когда они проносились мимо носа торговца, веревка, которую Гавит держал в руках, быстро разворачивалась и уже почти натянулась. Лицо юноши превратилось в воплощение обиды, его оскорбило нападение хранителя палубы, пока один из детей палубы не крикнул ему:

– Хранитель палубы спас тебе руку, мальчишка! Если бы ты не отпустил веревку, она бы ее оторвала. – Глаза Гавита широко раскрылись, потом он перевел взгляд с дитя палубы на Джорона и кивнул, собираясь подняться, но Джорон заставил его остаться на коленях.

– Подожди, – сказал Джорон, глядя на быстро разматывавшиеся витки веревки. Дети палубы налегали на весла. Ветер завывал, волны теснились одна за другой, дождь безжалостно хлестал их ледяными плетями. – Гребите, мои девочки и мальчики. Гребите. – Веревка продолжала разворачиваться. – Гребите из всех сил. – Веревка с шипением раскручивалась. Теперь торговец возвышался у них за спиной, словно вырастал из волны, и, хотя у него на носу отсутствовал череп кейшана, в отличие от их боевого корабля, он выглядел столь же угрожающим, жестким и прочным. Моток веревки наконец закончился.

– Готовься! – закричал Джорон, и вся команда склонилась над веслами. Флюк-лодка рывком остановилась, веревка выпрыгнула из моря, подняв стену воды, и натянулась, швырнув женщин и мужчин вперед. Маленькое суденышко громко застонало, его скелет из вариска проходил испытание на прочность. Затем Джорон вскочил, не обращая внимания на боль в груди после удара, который получил при падении на борт.

– Гребите! Гребите, или корабль из коричневых костей нас настигнет. Гребите, чтобы остаться в живых!

И тут началась настоящая работа, и появилась реальная опасность. Казалось, они пытались разбудить огромного и сердитого кейшана. Когда они хотели уйти влево, он тянул направо, а если пытались свернуть направо – тащил их влево. Общение со второй флюк-лодкой и торговцем было невозможно из-за пронзительно вопившего ветра и сильного дождя. Изредка Джорону удавалось разглядеть на носу торговца что-то кричавшую супругу корабля, но ее слышал только Северный шторм, уносивший слова и прятавший тайны детей палубы.

Они сражались со стихией, налегали на весла – мускулы против штормового ветра, против моря и веса корабля, им никак не удавалось облегчить боль в уставших руках, и только воля мешала бросить весла. Воюющий ветер и несущиеся тучи не позволяли опереться на какие-то ориентиры. Джорону оставалось полагаться только на шестое чувство, которым его наделила

жизнь на волнах, – смесь миллиона неосязаемого: накатывающие волны, ветер и дождь, и даже запах и вкус воды на губах. Он чувствовал ее, чувствовал нужное направление, чувствовал «Дитя приливов», боровшееся со штормом, не как нечто реальное, не то, к чему можно прикоснуться. Джорон знал, где он оставил корабль, знал скорость и силу ветра, а также возможные варианты дрейфа. И, хотя у него присутствовали сомнения, он продолжал выкрикивать команды сидевшей за рулем Фарис сквозь ледяной дождь. Он беспокоился, что веревка может разрезать их лодку надвое, если он неправильно оценит тягу большого торговца. Опасался, что неверно поймет движение «Дитя приливов» и по небрежности направит флюк-лодку в океан.

А потом он ощутил легкое тепло посреди шторма, пульсировавшее крошечное пятнышко, которое привык связывать с ветрогоном. Иногда он его чувствовал. Иногда – нет. Но оно обеспечивало его отправной точкой. Он знал, что, если бы ее не существовало, тревожился бы и сомневался в своих устных расчетах и инстинктах еще больше; но ее присутствие помогало ему понять, что он прав.

Слабое утешение.

Лучше не иметь такой точки, лучше добывать истину самому и знать, что ему это удалось. Лучше повторять вычисления снова, снова и снова, пока сомнения не исчезнут, как скала под бесконечными ударами прибоя.

Но если бы желания были крыльями – ветрогон умел бы летать. Это его мир, он должен в нем жить, и Джорон мог его изменить не в большей степени, чем избавиться от постоянно растущих язв на плечах и ногах.

Затем, как если бы она поняла, что силы детей палубы уже на исходе, веревки начинают прогрызать мокрый вариск флюк-лодок, а усталость мешает реагировать на движение волн, появилась Миас.

– Вижу корабль!

Черный корабль, «Дитя приливов», Миас Джилбрин и ее почерневшие от дождя седые волосы, разметанные ветром.

– Бросьте веревку!

Ни рокоту шторма, ни вою ветра было не по силам поглотить ее слова, ни одна женщина и ни один мужчина не могли их не услышать.

Ведь она была Удачливой Миас.

Величайшей супругой корабля из всех, когда-либо живших, – и она станет легендой.

2

Неудачно найденные обломки кораблекрушения

Корабль летел три дня. Ветрогон ни разу не отходил от своего излюбленного места, откуда призывал ветер, сидел, скрючившись у главной мачты, ни разу не поднял головы и ни с кем не говорил, сосредоточившись на поисках самых выгодных потоков воздуха, чтобы привести их к «Дитя приливов». Когда Джорон прошел рядом с ним, ему показалось, что он слышит его песню у себя в костях.

Они взяли на буксир торговый корабль под названием «Сокровища девы», их разделяло пять корпусов – Миас отказывалась позволить незнакомой супруге корабля подойти ближе к ее драгоценному костяному кораблю.

– Сейчас этот корабль из коричневых костей может с легкостью нас разбить, Джорон.

Пять корпусов позволяли им перерубить веревку, если большой корабль захочет совершить какую-нибудь глупость или ветрогон не сможет успокоить шторм вокруг них. Но корабль ничего такого предпринимать не стал, а ветрогон справился со штормом. Они двигались в пузыре сравнительного спокойствия – хотя назвать это комфортным и безопасным плаванием было нельзя. Периодически Джорону казалось, будто тепло перетекало по палубе, большая неспешная волна – но, как и все на корабле, он устал от долгих вахт и недосыпания. Тела женщин и мужчин на борту «Дитя приливов» наливались свинцом, а их мускульная память несла корабль сквозь серые дни и завывавшие ночи.

Ночью четвертого дня, в мендей – хотя никто не следил за временем – ветра стихли и немного унялся гнев Северных штормов. Когда Глаз Скирит поднялся в небо, яркий и холодный, свет стал кристально-чистым и прозрачным, а море больше не позволяло себе мерно биться о зазубренные скальные берега. Вода стала маслянистой и гладкой. Ветрогон исчез с центральной части корабля, а Миас стояла на корме, и ее волосы были вновь выкрашены в положенные ее рангу супруги корабля красный и синий цвета под шляпой с двумя хвостами.

– Мы пойдем туда сегодня, хранитель палубы, – сказала она, показывая на поднимающийся и опускающийся нос «Сокровищ девы».

В свете дня торговец выглядел более поврежденным и грязным, чем когда сражался с бурей. Закаленный вариск корпуса потрескался, и сквозь него проступали кости кейшана, скелет – в прямом и переносном смысле – внутренней части корабля. Мачты исчезли, остались два сломанных обрубка, указывавших на их прежнее положение. На палубе, по которой пошли трещины, бегала команда. Джорон отыскивал глазами супругу корабля, она стояла на небольшом возвышении, на корме, рядом с рулевым.

Супруга корабля, коренастая женщина с коротко подстриженными волосами, опиралась на костыль – следствие старой травмы, а не врожденной. Лишь очень немногие изгой-дарны могли стать супругами корабля, пусть даже и торгового. Только выходцы из семей дарнов, женщины, родившие здоровых детей и занявшие высокое место в аристократии Ста островов, или их избранники, которые являлись любовниками и воинами, могли получить чин офицера. Джорон наблюдал за супругой корабля «Сокровища девы», и ему показалось странным, что она проявляет так мало интереса к спасшему их кораблю.

Миас подошла к задним поручням на корме.

– Супруга корабля «Сокровища девы»! – прокричала она. – Готовьтесь принять мой крыло-флюк. Мы оценим ваши повреждения и окажем посильную помощь.

Море поднималось и опускалось, поднималось и опускалось, когда супруга корабля шагала по покрытой трещинами палубе, а Джорон присоединился к Миас на корме «Дитя приливов».

– Я благодарю вас за то, что вы стащили нас с рифов, супруга корабля, – прокричала она с палубы «Сокровищ девы». – Но у нас есть все необходимое. Если вы позволите, мы развяжем веревки и дальше поплывем сами.

Миас наклонилась к Джорону и заговорила шепотом.

– Будь готов отвязать кормовые дуголуки, – сказала она.

Джорон, в свою очередь, передал приказ матери палубы, Серьезному Муффазу, который тут же привел две команды и поставил их рядом с главным оружием боевого корабля, чтобы они приготовились максимально быстро привести их в действие.

– Супруга корабля, – прокричала Миас, когда команды дуголуков заняли свои места. – Боюсь, я должна настоять на своем предложении. Если окажется, что у вас чего-то не хватает для ремонта, я себе этого никогда не прощу.

Они наблюдали за командой другого корабля: невысокая женщина присоединилась к супруге корабля, и они о чем-то заговорили, почти касаясь друг друга головами. Черный Оррис слетел с такелажа и опустился на плечо Миас.

– Задница Старухи! – прокаркал он, а Миас подняла руку и погладила перья у него на шее.

– Супруга корабля, – донесся крик с «Сокровищ девы». – Конечно, вы можете подняться к нам на борт. Я не хочу показаться вам неблагодарной. Я прикажу, чтобы моя команда приготовилась вас принять.

Миас махнула в ответ рукой и повернулась к Джорону.

– Здесь что-то не так, Твайнер.

– Что? – спросил он.

– Я не знаю, но понюхай воздух.

Джорон так и сделал, втянул в себя морской воздух и на фоне свежести, принесенной северным ветром, ощутил другой запах, характерный для корабля, слишком долго стоявшего в порту, когда от собравшегося вокруг мусора и отверстий в днище начинает вонять сточными водами и другой гадостью.

– Ты думаешь, гниют кости? – спросил он.

– Что-то здесь определенно гнилое, хранитель палубы. Думаю, мы возьмем с собой Куглина и нашу морскую стражу. А тебе стоит прихватить необычный меч, который я тебе дала.

– А они не заподозрят, что мы что-то задумали?

– Очень возможно, – ответила Миас, – но мне все равно, супруга корабля должна иметь с собой стражу, иначе я буду выглядеть странно. И меня тревожит не только запах, Твайнер, а еще местонахождение корабля. Торговые суда должны перемещаться между островами, они недостаточно прочны, чтобы летать по настоящему океану без сопровождения, так что все это само по себе уже необычно.

– Контрабандисты? – предположил Джорон.

– Такова моя первая гипотеза.

– За захват корабля контрабандистов положена неплохая награда, – заметил он.

– Я сомневаюсь, что сам корабль представляет какой-то интерес, но у них может быть ценный груз, – сказала Миас. – Скорее всего, кости кейшана.

– И наша команда получит значительную сумму денег, которую они смогут отослать домой.

– И тогда даже Квелл улыбнется, верно?

– В этом я сомневаюсь, – ответил Джорон.

– Она правильно сделает, если не станет улыбаться. Если у них действительно кости кейшана, нам придется отвести корабль в безопасное место и связаться с избранником Индиллом Каррадом в Бернхьюме. Он сможет переправить груз в Безопасную гавань для нашего флота.

И тогда мы не получим за него денег; команда должна будет довольствоваться тем, что послужит высшим целям.

– Задница! – прокричал Черный Оррис, взмахнув черными как ночь крыльями, чтобы сохранить равновесие на плече Миас.

– Подозреваю, что многие с тобой согласятся, Черный Оррис, – сказала Миас. – Но это мой корабль, и команда должна выполнять мои правила, нравится им это или нет, идет дождь или светит солнце. – Она отвернулась. – Ну, хранитель палубы, моя лодка уже готова или нет?

– Я позабочусь об этом, супруга корабля, – ответил Джорон.

Через один оборот песочных часов они уже направлялись на флюк-лодке к торговцу по ледяной пенящейся воде, и огромный борт «Сокровищ девы» рос и приближался после каждого взмаха весел. Возле поручней собралась команда – не так уж много, в основном женщины, впрочем, попадались и мужчины. Они наклонились над поручнями и наблюдали за Миас, которая смотрела на них, стоя на носу своей маленькой лодки. Десять детей палубы сидели на веслах, между ними пристроились Куглин и его помощник Берхоф – огромный, но дружелюбный воин, выбранный Куглином из морской стражи. Куглин правильно поступил, подумал Джорон, Берхоф пользовался любовью команды «Дитя приливов», хотя так и не научился ходить по палубе во время качки, что сделало бы его предметом насмешек, если бы он не был так популярен.

Их сопровождали еще восемь морских стражников с небольшими круглыми щитами. Джорону, которого отец вырастил на море, казалось странным, что некоторые люди ни разу не ступали на палубу корабля. На свете было совсем немного женщин и мужчин, чувствовавших себя на волнах хуже, чем морская стража Куглина, – хотя он сам почти примирился с океаном и даже иногда получал от него удовольствие.

Команда «Сокровищ девы» спустила веревочную лестницу, и Фарис привязала флюк-лодку к большому кораблю. Миас взобралась наверх, за ней последовала ее команда, Куглин, Берхоф и морская стража. Джорон поднялся последним, сражаясь с лестницей, которая раскачивалась под его обутыми в сапоги ногами.

На палубе торговца собралась команда, они выглядели вполне невинно, хотя Джорон обратил внимание, что у каждого в руках было если не оружие, то предмет, который можно использовать в его качестве.

– Добро пожаловать, – сказала супруга корабля торговца. Вблизи стало очевидно, что прежде она была внушительной, но теперь заметно постарела и опустилась. – Супруга корабля Миас, величайшая из нас? – Она сплюнула на палубу. – Ну мы должны вас благодарить, тут не может быть сомнений. Я вас накормлю, если вы пройдете в мою каюту.

Ветер, который в данный момент дул в спину Джорону, на несколько мгновений стих, и запах – почти невыносимая вонь, которую они уловили еще на «Дитя приливов» – произвел на него ошеломляющее впечатление. Он почувствовал, как мир вокруг начал вращаться, палуба стала двигаться у него под ногами как-то странно, как если бы он ступил на землю после того, как несколько недель провел в море. Рука Миас сжала его плечо.

– Дыши глубже, это пройдет, – сказала она.

– Ха, – прокашляла супруга корабля «Сокровища девы», – мальчик не переносит немного вони? И он твой хранитель палубы? Всегда говорила, что ставить мужчину во главе чего-то – это ошибка, верно, Каффис? – Она посмотрела через плечо на стройную женщину, стоявшую у нее за спиной.

– Верно, супруга корабля Голзин, – ответила Каффис. – У мужчин нет сисек, необходимых, чтобы отдавать приказы.

Рука Миас стиснула плечо Джорона еще сильнее.

– Дыши глубоко, хранитель палубы, – повторила она и повернулась к Голзин. – У вас на борту как-то странно воняет, супруга корабля.

– Вы привыкнете, – сказала супруга корабля Голзин. – Но если вы не сможете есть, я вас пойму. И если вы здесь, чтобы помочь, то нам необходим материал для восстановления главной мачты и починки корпуса. Со всем остальным мы справимся сами.

– Но ты сказала, что у вас все есть, – заметила Миас.

Голзин пожала плечами.

– Ну, похоже, меня ввел в заблуждение мой казначей, все они порочны.

Миас кивнула, словно соглашаясь.

– Так в чем же дело, супруга корабля Голзин? Откуда такая вонь?

Голзин снова пожала плечами.

– Просто корабль старый, супруга корабля Миас.

– Ты поступила смело, когда решила вывести старый корабль так далеко в океан, – сказала Миас.

– Я часто использую этот маршрут, – ответила Голзин, отворачиваясь от Миас. – Я хорошо знаю моря.

– За исключением этого острова? – спокойно заметила Миас.

Голзин снова к ней повернулась.

– Да, – ответила она, и по ее лицу пробежала тень – смущение? Гнев? – Этого острова нет на картах, его вообще здесь не было, когда я в прошлый раз тут была. Я уверена.

– Движущиеся острова? – спросила Миас. – Я поставлю об этом в известность своего курсера.

Голзин покачала головой.

– Смейся сколько пожелаешь, но я говорю правду. Так ты хочешь есть или нет?

– Нет, – ответила Миас, – я хочу осмотреть твой груз.

Голзин еще сильнее оперлась на костыль.

– Боюсь, ты не можешь этого сделать, – заявила она.

– Я супруга корабля флота. Я могу...

– Ты опозоренная женщина с корабля мертвых. – Голзин рассмеялась спокойно и искренне, и в ее глазах заискрилось веселье, подобное свету Глаза Скирит в воде. – Я пятнадцать лет была хранителем палубы корабля флота, пока рангоут не сломал мне ногу. – Она хлопнула по левой ноге. – Этот корабль – моя награда и законное слово, Миас Джилбрин. Мне нет нужды слушать или склоняться перед такой женщиной, как ты.

Миас не дрогнула, услышав слова, которыми Голзин пыталась ее уязвить.

– Ты – супруга корабля-торговца, а я супруга – корабля флота. Корабль мертвых или нет, но ты должна подчиняться моим приказам. – Она произнесла эти слова так, словно два избранника обсуждали последнюю моду на туфли, хотя следующие ее слова оказались раныщими. – И ты будешь меня слушать и кланяться, если я прикажу. Ты поняла?

Голзин засунула руку внутрь плаща и вытащила маленький свиток из птичьей кожи.

– Я не стану и не пущу тебя в трюм, Неудачливая Миас, и сделаю это именем твоей матери. Вот, читай.

Миас взяла свиток и развернула его. На тыльной стороне был изображен ребенок, склонившийся под тяжестью трона Ста островов. Миас прочитала слова и передала свиток Джорону.

«Под страхом смерти и по приказу Тиртендарн Джилбрин этот корабль следует всюду пропускать и не задерживать. Никто не должен вмешиваться или прерывать его путь. Команде оказывать всяческое содействие».

Ниже стояла витиеватая подпись.

– Такие вещи можно подделать, – сказала Миас.

– Но не в данном случае. Полагаю, ты способна узнать почерк своей матери.

Миас свернула свиток и постучала им по подбородку.

– И куда ты летишь? – спросила Миас.

– Ну, я уверена, ты бы хотела знать, но боюсь, что это останется для тебя недоступным.

От внимания Джорона не ускользнуло, что члены команды Голзин начали выдвигаться вперед, а снизу на палубу поднимались новые. На корме судна стали приводить в боевую готовность два малых дуголука. Миас бросила взгляд на Куглина, тот коротко кивнул в ответ, а потом она повернула голову к Берхофу, и они переглянулись.

– Здесь, в океане, супруга корабля, – сказала Миас, – нет возможности проверить – подделка это или нет. Вот почему я полагаю, что мне в любом случае следует проверить груз. Я уверена, моя мать поймет, она всегда уважала тщательность.

Голзин смотрела на нее.

– Здесь, в океане, супруга корабля Миас, – сказала она, – может случиться все что угодно, и я также уверена, что твоя мать это поймет.

Если Голзин и подала какой-то сигнал, Джорон его не заметил. Он услышал лишь результат, шорох обнажившихся клинков, команду развернуть дуголуки, и, словно болт, выпущенный дуголуком, напряжение исчезло с лиц команды торговца.

А он увидел опасную улыбку на лице Миас.

Джорон потянулся к рукояти своего драгоценного меча.

Супруга корабля Голзин отошла назад, а ее команда бросилась вперед. Одновременно Миас обнажила меч.

– Куглин! – крикнула она.

Она увернулась от удара кривым клинком женщины из команды Голзин и небрежным выпадом пронзила ее своим мечом. Затем Миас вытащила один из маленьких арбалетов и выстрелила в Голзин, после чего отступила за строй воинов Куглина, сомкнувших круглые щиты. Сам Куглин и еще трое его людей побежали по палубе на корму, к малым дуголукам, пока команда не успела выпустить залп из острых камней. Будь это команда флота, Джорон не сомневался, что Куглин и его люди мгновенно погибли бы под градом камней, но они успели, и морская стража обрушилась на детей палубы, как санкрей на свою жертву.

Бойня на палубе «Сокровищ девы» была внезапной и всеобъемлющей. Мгновение назад Джорон стоял и ждал, и вот он уже наносит удары своим блестящим стальным клинком. Для этого не требовались никаких умений, Миас несколько месяцев учила Джорона использовать прямой клинок, и он оказался более умелым, чем мог прежде мечтать, но здесь, на палубе, не было места для изящных выпадов и защиты. Все решали грубая сила и реакция, которых у морской гвардии имелось более чем достаточно. Последовал чей-то выпад, кто-то из стражей принял его на свой щит, и Джорон тут же поразил острием клинка незащищенное горло врага. Женщина подняла курнов, чтобы атаковать Джорона сбоку, и Анзир нанесла мощный удар дубинкой, проломив ей череп под кожаной шапкой. Дитя палубы справа от Джорона упал, курнов рассек его грудную клетку, и Фарис с громким криком прикончила противника, который убил ее друга.

Чуть дальше стояла Миас, и складывалось впечатление, что лишь она одна сохраняла спокойствие, ее выпады и защита казались почти ленивыми. Мужчина попытался достать Миас пикой, ее длина делала его опасным противником, но рядом с Миас всегда оказывалась Нарза. Маленькая женщина поднырнула под пику, ее тело скользнуло вдоль древка, и костяной кинжал прикончил обладателя пики, а она оказалась среди команды «Сокровищ девы» и превратилась в вихрь черных волос и острых клинков.

Да, команда «Сокровищ девы» выглядела опытной и умелой, и Джорон не сомневался, что они с удовольствием вонзили бы ему нож в спину, но такого рода схватки были не для них. Дети палубы с корабля Голзин не умели сражаться по-настоящему, они не могли ничего противопоставить дисциплине женщин и мужчин Миас, и они отступали, бросая оружие, оставляя на сланце истекавших кровью раненых. Миас пошла вперед.

– Твоя супруга корабля, где она? – Ответа не последовало. Нарза метнулась вперед, схватила самую маленькую дитя палубы и подтащила к Миас, держа нож у ее горла. – Где она? – повторила Миас.

Женщина молча на нее смотрела. У нее был только один глаз – но не вследствие ранения, просто еще один дефект при рождении на Ста островах. Ее единственный, широко раскрытый глаз наполнял ужас.

– Скажи мне, где она, иначе я прикажу Нарзе забрать твой единственный глаз, – сказала Миас, и у Джорона появилось ощущение, что женщину напугала не угроза в ее голосе, а то, как небрежно, почти равнодушно, произнесла эти слова Миас, словно каждый день ослепляла врагов.

– Она в своей каюте, – заикаясь, ответила женщина, глядя в сторону кормы судна, где стояло ветхое строение из вариска и стеблей джиона. Из маленькой трубы на крыше поднимался дым, который тут же уносил ветер.

– Дыхание Старухи, – прорычала Миас, – она сжигает карты.

Они побежали к каюте. После нескольких ударов ногой Миас выбила дверь – там они увидели Голзин, которая опиралась на стойку из вариска, перед ней тлела маленькая жаровня, в которой остался только пепел.

– Ты сожгла карты, супруга корабля, но я выясню, чем ты здесь занималась, и получу это знание из твоего тела, если потребуется.

Голзин покачала головой, и сразу стало очевидно, что движение причиняет ей боль.

– Думаю, нет, – сказала она, закашлялась и сплюнула на палубу.

Ранее кто-то попытался побелить пол в каюте, чтобы она выглядела как настоящая каюта супруги корабля, но белый цвет частично стерся – и все же его осталось достаточно, чтобы понять, что Голзин сплюнула кровью.

– Ты хорошо владеешь арбалетом, – продолжала она и снова сплюнула кровью. – Но, в отличие от тебя, я верна Ста островам. – Она говорила с огромным трудом, каждое следующее слово давалось ей ценой невероятных усилий. Голзин упала на колени и посмотрела на Миас. – Я верна, – сказала она и повалилась вперед, и Джорон увидел торчавший из спины арбалетный болт, который ее убил.

Миас покачала головой.

– Я не могу винить человека за верность. Пусть даже и неверно понятую, – сказала она. – Да обнимет тебя Старуха, супруга корабля Голзин.

Она отвернулась от трупа.

– А теперь, Джорон, посмотрим, что есть в каюте у Голзин. Выясним, за что она умерла.

Команда «Дитя приливов» осталась снаружи, чтобы удерживать детей палубы, которые уцелели после сватки. Джорон быстро подсчитал потери, оказалось, что для трех детей палубы смертный приговор был приведен в исполнение, и их тела остывали на палубе.

– Куглин, – сказала Миас, – найди черный материал и сделай повязки. Эти женщины и мужчины еще не знают, но они вызвались к нам присоединиться. Их супруга корабля мертва, и теперь они также мертвы. – Она прошла мимо команды «Сокровищ девы» и окинула всех взглядом. – А мертвые принадлежат мне, – добавила она.

Джорон последовал за супругой корабля по палубе к главному люку торговца, запертому на массивный замок, и здесь запах, присутствовавший на всем корабле, стал заметно сильнее.

– Милосердие Матери, – сказал Джорон. – Неужели ты думаешь, что она умерла ради того, чтобы защитить гнилую еду?

– Нет, – спокойно ответила Миас. – Думаю, я знаю, что она перевозила и почему не хотела, чтобы я увидела ее карты. – Она повернулась к Нарзе. – Найди что-нибудь для замка. Я не хочу сломать свой хороший меч. – Миниатюрная женщина кивнула и ушла.

– Как ты думаешь, что там? – спросил Джорон.

– Я не стану осквернять имя Голзин до тех пор, пока сама все не увижу, – сказала Миас, – но если я права, то заберу свое пожелание, в котором предлагала ей отдохнуть в объятиях Старухи.

Нарза вернулась с болтом от дуголука, засунула его в скважину замка, затем, используя как рычаг, приложила свой вес, и очень скоро замок с треском раскрылся, а она даже не сломала болт.

– Подними крышку люка, Джорон, – сказала Миас, – но прежде нужно зажечь факелы и взять ткань, чтобы прикрыть лица.

– А зачем закрывать лица? – удивился Джорон.

– Ты скоро узнаешь.

3

Что находится внизу

На нижней палубе торговца царил темнота, не было даже тусклосветов. Джорон обнаружил, что отсутствие маленьких, испускавших сияние птичьих черепов вызывает у него тревогу. Но ему не пришлось долго о них думать, потому что ему в лицо ударил сильный запах. Здесь это было уже нечто существенное, на него обрушилась стена такой невероятной вони, что он с огромным трудом сдержался, чтобы не ринуться обратно на палубу. Но он лишь сильнее прижал тряпицу к носу и рту, переборол тошноту, сжал нос и попытался дышать ртом – но так стало еще хуже.

Вонь оказалась настолько всепроникающей, что это было равносильно тому, чтобы выпить воду, скопившуюся на днище корабля, – смесь гнилых костей, нечистот и отбросов, что собираются в трюме любого судна. Джорон закашлялся, поднял выше гаснущий факел, который осветил кости палубы над головой и стены вокруг них. Они находились в небольшом помещении, из которого выходили три двери.

– Они заперли трюм, – заметил Джорон. – Разве так они не усложнили погрузку?

– Ну тут зависит от того, каков груз, – ответила Миас.

Она потянулась к ручке двери справа – как и все на корабле, она была обветшалой и сразу открылась.

За дверью Джорон увидел картину, на которую, он не сомневался, даже Старуха не стала бы смотреть, чтобы забрать тех, кого хотела наказать. Вонь усилилась. Джорону потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что он видит в мерцавшем свете факела, и его желудок взбунтовался снова.

– Милосердие Матери, – прошептал он.

Грузовой отсек шел по всей длине «Сокровищ девы» и был разделен на три уровня полками, каждая высотой с предплечье и руку Джорона, одна над другой. Это странное место наполняли тихие стоны, и, как только Джорон их услышал, он понял, что они звучали на корабле с того самого момента, как он ступил на его палубу. Тогда он решил, что это сам корабль, старые кости или вариск, но оказалось, что он ошибался. Дело было в грузе.

Люди. Женщин и мужчин засунули на полки так, что между ними практически не оставалось места, чтобы двигаться и дышать. Голова одного примыкала к ногам другого, и так далее по всей длине грузового отсека. Джорон приблизил факел к ближайшему телу – и увидел труп, очевидно, человек умер уже давно, возможно, прошли недели. Рядом с его головой слабо шевелились ноги следующего пленника, и Джорон испытал еще больший ужас. Он представил, что несчастный находился в замкнутом пространстве, в полнейшей темноте, лежа вплотную к трупу. Знал ли он, что рядом гниет мертвое тело? Быть может, это был его друг или даже любовник?

– Держитесь! – закричала Миас в стонушую темноту. – Те, кто вас сюда поместили, больше не имеют власти, теперь я отдаю приказы. Мы освободим вас так быстро, как только сможем, а вы держитесь.

Ему показалось или голос Миас дрогнул? Люди на полках ничего не ответили. Миас отодвинула Джорона в сторону, распахнула левую дверь и повторила те же слова для тех, кто находился в соседней части грузового отсека.

– Что это, Миас, работоторговцы?

– Я не знаю, Джорон. Сначала у меня возникли подозрения из-за запаха. Вот почему я усомнилась в бумагах, моя мать никогда бы такого не разрешила. – Она еще раз посмотрела внутрь и закрыла дверь. – Но даже работоторговцы обращаются со своим товаром намного

лучше. – Она повернулась, распахнула последнюю, центральную дверь, и они увидели самое маленькое помещение и совсем других пленников. Никаких полок, просто свободное пространство, в центре, отвернувшись от света факела, сгрудились ветрогоны. Все в масках, как положено, но меньшего размера, чем ветрогон на «Дитя приливов». Когда они зашевелились, раздался звон цепей, в слабом свете блеснул металл. Миас повторила свои слова для говорящих-с-ветром, сказала, что им больше не грозит опасность, после чего также закрыла дверь. Их вид встревожил Миас даже сильнее, чем люди.

– Отправляйся на борт «Дитя приливов», Джорон, и приведи нашего ветрогона, пусть он поговорит с ними. Я сомневаюсь, что они поверят мне или любому другому человеку после того, как их держали на борту этого корабля. – Она сняла шляпу, провела рукой по волосам, после чего аккуратно водрузила ее на место. – Вот почему Голзин сожгла карты, здесь происходило нечто действительно ужасное.

– Я организую допрос детей палубы, – сказал Джорон.

Миас кивнула.

– Пусть это сделает Серьезный Муффаз, хотя я сомневаюсь, что он узнает что-то новое. Уцелел ли кто-то из офицеров «Сокровищ девы»?

– Я не знаю, – ответил Джорон.

– Ладно, – сказала Миас и полезла вверх по лестнице. – Для них же лучше, если все они убиты. Я не стану проявлять к ним милосердие.

Когда они оказались на верхней палубе, Джорон сделал несколько глотков свежего воздуха, а Миас начала отдавать приказы.

– Куглин, забудь о черных повязках. Свяжи всю команду и посади во флюк-лодку. Джорон и Берхоф отвезут их на «Дитя приливов», они не смогут присоединиться к моей команде. Затем найди топоры, еду и воду. Тут женщины, мужчины и ветрогоны, жестоко скованные друг с другом. Начните с того, что покормите женщин и мужчин, обращайтесь с ними хорошо. Вы все сами поймете, когда войдете в грузовой отсек. Возьми с собой самых крепких морских стражников. – Она немного помолчала. – Там вы найдете много мертвых. Сложите тела на палубе, прежде чем выбросить в воду. Возможно, среди живых есть их друзья и любимые, которые захотят с ними проститься. Джорон приведет нашего ветрогона. – Она повернулась к нему. – И также Руку Старухи, Гаррийю, чтобы она осмотрела людей на корабле. – Миас сделала шаг к Джорону и прошептала ему на ухо: – И пусть Гаррийя принесет с собой *все* свои лекарства, Джорон, в особенности те, что помогают женщинам и мужчинам мирно покинуть этот мир.

– Но...

– Ты сам все видел, Джорон, и почувствовал вонь, которой там все пропитано. Так пахнут разложение и смерть. Самая легкая рана в подобной ситуации будет гноиться, самая легкая трещина в сознании превратится в бездну. Я бы никому не пожелала такого заточения и не стану продлевать их страдания.

– Но что мы будем с ними делать, Миас? – спросил он. – Там их сотни, а наша задача – отыскать в этих водах пиратов.

– Мы останемся здесь до тех пор, пока не выясним, скольких сможем спасти, а потом посадим команду на этот корабль и отправим в Безопасную гавань. Остальные продолжают охоту за пиратом, хотя я сомневаюсь, что мы кого-нибудь найдем. Все это дым и зеркала, чтобы держать меня подальше от Бернсхьюма и не смущать мою мать.

4

Лишние

На «Дитя приливов» Динил ждал вместе с Квелл, которая теперь неотступно следовала за ним, и две пары обиженных глаз смотрели на Джорона. За ними стоял Спракин, который был казначеем до того, как Миас сняла его с этой должности, и теперь он старался всячески досадить Джорону. Он достаточно давно служил на флоте, чтобы знать, как далеко может дойти в неподчинении, прежде чем на него обрушится гнев Серьезного Муффаза.

– Супруга корабля хочет, чтобы вы взяли тех, кто прибыл на моей флюк-лодке, и надели на них черные повязки, – сказал Джорон. – Но потом, а сейчас их необходимо связать и держать отдельно от нашей команды. Я должен вернуться на торговца вместе с ветрогоном и Гаррией; на борту того корабля много больных.

– А зачем им ветрогоны? – спросил Динил.

Прежде они были друзьями, однажды – любовниками, но их отношения разрубил Джорон, вместе с рукой Динила – и теперь ничего не осталось, в том числе руки. Динил, Квелл и Спракин образовали небольшой союз, основанный на ненависти к Джорону, которая ранила его всякий раз, когда он видел их вместе, что на корабле размера «Дитя приливов» случалось довольно часто.

– Об этом просила супруга корабля, смотрящий палубы, – сказал Джорон, который почувствовал, что его речь столь же напряжена, как и тело.

Холодная формальность пришла на смену жару эмоций, которые они разделяли прежде. За спиной Динила ухмыльнулась Квелл, ей никогда не нравился Джорон, а когда он получил более высокий чин, ее ненависть лишь усилилась. Она, в свою очередь, с ее злобным характером, пугала Джорона. Впрочем, он бы никогда в этом не признался. Он не сомневался, что Динил и Квелл контролировали каждый его шаг. Спракин просто криво улыбался и ждал момента, когда у него появится возможность доставить Джорону неприятности.

– Наш долг состоит в том, чтобы предоставлять супруге корабля все, чего она хочет, не так ли? – улыбнулся Спракин, но в его улыбке не было ничего приятного.

Динил не обратил на его слова внимания и сделал шаг вперед.

– Квелл, выполни свой долг, приведи сюда Руку Старухи и говорящего-с-ветром, – холодно и жестко сказал он. – После чего отведи этих мужчин и женщин в корабельный карцер, где они останутся до тех пор, пока не будут готовы к исполнению своего долга.

Джорон отвернулся. Он заметил, как часто Динил, а также те, кто его окружали, использовали слово «долг». Именно чувство долга заставило его потерять руку, а Джорона вынудило ее забрать. Каждый из них по-своему действовал правильно, поэтому Миас сохранила должность Динилу на корме корабля, хотя он угрожал ее жизни. И каждый день, когда они стояли там вместе, Джорон чувствовал, что она совершила ошибку, и подозревал, что Миас думала так же, – впрочем, она никогда в этом не признается.

«Супруга корабля двигается только вперед, – однажды сказала она. – Я не стану смотреть на ошибки, оставшиеся за моей кормой, Твайнер, с того самого момента, как я уточнила свои горизонты».

Джорон не стал долго задерживаться на борту, слишком уж холодная здесь царила атмосфера. Он оставил Динила разбираться с новыми членами команды и отправился обратно на «Сокровища девы» вместе с ветрогоном и Гаррией. Старая женщина сидела на дне лодки между гребцами, обхватив себя руками. Ее привели на корабль как одну из привязанных-к-камню, которые занимали самое низкое положение на костяном корабле, так как ничего не знали о море, однако Гаррией показала себя умелой целительницей. Редко на корабле были

такие хорошие лекари, не говоря уже о корабле мертвых, вроде «Дитя приливов». И она стала Рукой Старухи. Как и Динил, Гаррийя вызывала у Джорона тревогу, но совсем по-другому.

Когда они встретились в первый раз, женщина назвала его «Зовущим». А потом, через несколько месяцев, когда все казалось потерянным и смерть неизбежной, он запел, и появился аракесиан, словно призванный песней. Последний могучий и таинственный морской дракон спас их от полного уничтожения, и хотя Джорон был уверен, что дело не в нем и его пении, у него постоянно возникало сомнение, не лжет ли он себе. Ведь он слышал песню аракесиана и ощущал его присутствие, как никто другой.

За исключением ветрогона.

Говорящий-с-ветром преодолел свой ужас перед Северными штормами и вернулся в прежнее состояние неизменного любопытства. Сейчас его завораживали гребцы. Дети палубы с интересом поглядывали на ветрогона, достойно реагируя на его интерес. Обычные моряки побаивались говорящих-с-ветром, но команда «Дитя приливов» относилась к нему с той же любовью, которая предназначалась только для Черного Орриса, сквернословившей черной птице, поселившейся на такелаже «Дитя приливов».

– Это зачем? – спросил ветрогон, указывая на уключины.

– Чтобы весло на них опиралось, – ответила Фарис со своего места на корме лодки. – Так детям палубы легче грести.

– Зачем грести? – спросил ветрогон, его острый клюв открывался, и слова вываливались из горла, не сформированные языком и губами, как положено. – Я делаю воздух. – Он показал на свернутые крылья корабля когтем, которым заканчивался его локоть под крылом, спрятанным под разноцветными одеждами.

– Береги силы, ветрогон, – сказал Джорон. – Дети палубы гребут потому, что скорость сейчас не имеет существенного значения. Твоя магия может пригодиться позднее, и сейчас глупо ее тратить.

– Джорон Твайнер не умный, – пронзительно закричал ветрогон и перескочил на нос маленькой лодки, где встал рядом с Джороном. Затем он повернулся всем телом в сторону громады торговца, вздымавшейся впереди. – Плохие вещи, – сказал он. – Плохие вещи начинаются здесь.

– Какие плохие вещи? – спросил Джорон.

– Возвысь свой голос, Зовущий, – сказала Гаррийя, сидевшая на дне лодки, рядом стояла сумка с ее лекарственными растениями. – То, что давно похоронено, сейчас снова выходит на свет.

– Что ты имеешь в виду? – Ее слова казались ему странными предметами, которые плавали вокруг него.

Он чувствовал, что существует в лодке с налегавшими на весла детьми палубы отдельно от всех. Шум моря отступил, ярко окрашенная одежда потускнела, и в его ушах звучал только голос Гаррийи.

«Кейшан поднимается, Джорон Твайнер, кейшан поднимается».

К нему вернулись все звуки, старая женщина сидела на дне лодки и рылась в своей сумке, словно не сказала ни слова.

Быть может, она молчала?

Прежде он бы в этом не усомнился, но в последнее время Джорон уже не был так уверен в собственных чувствах. Возможно, причина состояла в том, что он слишком долго обходился без сна, или его изменило что-то другое, но ему не нравилось думать о таких вещах. Он почесал верхнюю часть предплечий, где у него побаливала кожа. Он уже не сомневался, что его поразила гниль-кейшана, и одновременно надеялся, что причина в другом, но не осмеливался с кем-то поделиться своими тревогами – сначала гниль приносила язвы, а потом безумие. Все

чаще у него появлялись причины сомневаться в окружающем мире, не верить собственным глазам и ушам.

Могла ли гниль-кейшана овладеть человеком так быстро? Мастер костей Коксвард болел ею, но многие годы. А вдруг у каждого она протекает по-разному?

– Будьте осторожны внизу! – раздался крик, и Джорон встряхнулся, когда с торговца начала спускаться веревка.

Он привязал к ней флюк-лодку и взобрался по борту на корабль. Вслед за ним последовал ветрогон, который без всяких усилий поднялся на «Сокровища девы», даже не воспользовался веревкой или лестницей, его ноги с когтями и крылья были отлично приспособлены для подъема по вертикальным поверхностям. Нет, ветрогоны не являлись существами открытого моря, и Джорон не сомневался, что так было всегда. Если бы они не обладали умением управлять ветрами, никто не привел бы их к морю, где большинство говорящих-с-ветром страдало от боли, когда им приходилось использовать жившую у них внутри магию. Их ветрогону по-прежнему требовалось сойти на берег, чтобы получить новый заряд от ветрошпиля, но он мог удерживать больше магии, чем любой другой ветрогон, и под его нарисованной маской были глаза. Тайна, которую он поделил с Джороном, – ветрогонов ослепляют в ранней молодости, чтобы помешать им сбежать.

Джорон всегда верил, что так поступают для того, чтобы сохранить им жизнь.

Но за последнее время он услышал столько лжи, что у него возникли сомнения в правдивости этого утверждения.

На палубе «Сокровищ девы» Миас уже начала выносить женщин и мужчин наверх. Это были сломленные люди, практически скелеты, их тела покрывали язвы, которые сразу узнал Джорон – у них ужасно чесались плечи, – и еще он обратил внимание на дикие, испуганные глаза. Он смотрел на огромного Серьезного Муфффаза, мать палубы, сортировавшего тех, кого приносили снизу. Часть укладывали справа, но большинство отправляли к левому борту.

Здесь были собраны люди самых разных рас и цвета кожи, живущих на Ста островах, и Джорон не мог понять, что произошло: пленников явно захватили не в результате какого-то рейда, иначе все они принадлежали бы к одному и тому же народу, скорее, это напоминало сбор представителей всех народов островов.

Миас перехватила Джорона, который направлялся с Гаррийей к больным, и быстро отвела их в сторону.

– Джорон ведь сказал тебе, чтобы ты принесла лекарства, которые позволят несчастным легко уйти?

– Да, супруга корабля. Однако я постараюсь спасти всех, кого сумею, – ответила Гаррийя.

– Ну, весьма возможно, таких будет совсем немного. Серьезный Муфффаз отправил направо всех, кого, по его мнению, можно спасти, остальные, ну... – она прикусила губу, – лучше дать им уйти, чем заставлять страдать, полагаю, так будет правильно.

– Зачем убивать... – начал ветрогон, но рука Миас метнулась к нему и сжала клюв.

– Помолчи, ветрогон, – сказала она. – Я не стану рисковать: нельзя, чтобы живые услышали мои слова. Не исключено, что они сочтут мое решение неправильным, если увидят, что я отправляю на смерть их любимых. – Она отпустила клюв ветрогона, а затем повернула в сторону его голову.

И Джорон услышал, как из клюва вырвался негромкий, но пронзительный крик.

– Я не сказала, что ты должен молчать, ветрогон, – добавила Миас, и существо разочарованно крикнуло, привлекая к себе все взгляды.

– Странные существа! Странные существа. Сначала молчать. А теперь говорить. Не имеет смысла.

– Она не хочет, чтобы больные тебя слышали, ветрогон, – сказал Джорон, и хищный изогнутый клюв повернулся так, что нарисованные на маске глаза уставились на Джорона.

– Зачем приводить ветрогона? – спросил он.

– Потому что мне нужна твоя помощь, – сказала Миас. – А теперь пойдем, мы поговорим внизу.

Когда они спустились на нижнюю палубу, Джорон и Миас снова завязали тряпицей лица.

– Зачем так делать? – спросил ветрогон.

– Запах, – ответил Джорон.

– Люди плохо пахнут, – заявил ветрогон.

Они спустились по лестнице в темноту и почти непереносимую вонь. Миас выругалась, поднялась наверх и сразу вернулась с факелом. Интересно, что могло произойти, если она умудрилась забыть вещь, которая ей требовалась. Это было совсем на нее не похоже.

– Там, – сказала Миас, показывая на дверь перед ними, – находятся твои соплеменники, ветрогон. Они выглядят так, как и должны выглядеть в таком месте, но я не знаю, почему они здесь оказались.

– Чтобы корабль летал, – сказал он, не глядя на Миас.

– Их там слишком много для такого корабля, – сказала Миас. – И, если ты прав, то почему они находились здесь, а не на палубе, когда корабль попал в беду? Нет, тут какая-то тайна, ветрогон. – Она подняла факел повыше.

– Для меня? – спросил ветрогон.

– Да. Если судить по тому, как здесь обращались с людьми, я не понимаю, почему к ветрогонам относились лучше, и едва ли они проявят к нам доверие. – Но когда они увидят своего соплеменника, то, быть может, поведут себя иначе.

Говорящий-с-ветром согнул коготь на крыле и взял у Миас факел. Затем вытянул голову так, что его клюв оказался напротив лица Миас.

– Убивать ветрогонов, тоже? – спросил он.

– Это твой народ; ты сам должен понять, когда их страдания станут невыносимыми. Так что ты будешь решать их судьбу.

Голова ветрогона оставалась совершенно неподвижной, отсветы пламени лизали его шею, воздух отравлял отвратительный запах обожженных перьев. Все-таки это было некоторым улучшением.

– Мой народ, – сказал он и втянул голову в плечи.

– Джорон и я будем в каюте на палубе, ты придешь к нам, когда будешь готов.

Ветрогон издал пронзительный, почти оглушающий в замкнутом пространстве звук.

– Уходите! – сказал он. – Не пугать мой народ. Уходите!

Они повернулись, поднялись по лестнице на палубу, и Джорон последовал за Миас в каюту. На палубе у бортов лежали тела, многие неподвижно с закрытыми глазами. Те, чьи глаза оставались открытыми, смотрели в пустоту, словно были слепыми. Даже ветер, уносивший вонь, стал для Джорона слабым утешением, но он снял с лица маску. Он видел бедных и больных в Бернсхьюме, но они совсем не походили на этих людей. Те боролись за жизнь, как и все обитатели Ста островов. А здесь? Они лишились способности к сопротивлению. Нижняя палуба «Сокровищ девы» навсегда останется в его сознании как образ тех, кому отказано в тепле костяного огня Старухи, и он знал, что пойдет на все, чтобы избежать такой участи.

На все что угодно.

– Сюда, – сказала Миас, распахивая ободранную дверь каюты супруги корабля.

К единственному стулу внутри была привязана женщина, стол супруги корабля отодвинули в сторону, на выкрашенной в белый цвет двери виднелись следы крови.

– Это есть или была Каффис, – сказала Миас, – хранитель палубы «Сокровищ девы».

Женщина, одежда которой была залита кровью, наклонилась вперед.

– Она получила ранения во время сражения? – спросил Джорон.

– Да. – Миас не смотрела в его сторону, когда приподняла голову Каффис – сломанный нос, разбитые губы, рассеченная вокруг глаз кожа. – Но умерла она от побоев. – Миас немного помолчала, позволив легким волнам времени скользнуть между ними. – Это я ее избивала, пока ты не задал очевидного вопроса.

– Зачем? – спросил Джорон.

– Сведения, – ответила Миас и снова сделала паузу, давая ему возможность ее заполнить. Однако он промолчал. – И гнев, – добавила Миас, и он услышал его в этом слове. – Ярость, вызванная грузом, который находился внизу, она ведь являлась частью того, что здесь происходило.

– Я понимаю, но ты всегда говорила, что жизни бесценны, а нам постоянно нужны люди в команду.

– Так и есть. – Она положила руку на плечо Джорона и мягко заставила его сделать шаг назад.

Миас отпустила голову Каффис, и она упала на грудь, скрыв разбитое лицо.

– Я полагаю, тебе уже доводилось видеть корабли, перевозившие рабов. Я знаю, такие вещи запрещены, но...

– Нет, это не работорговец, Джорон, – сказала Миас. – Раб или жертва являются ценным товаром в тех местах, где их покупают. Слишком ценным для такой транспортировки.

– Но что же тогда перевозил этот корабль? – спросил Джорон.

– Я не знаю. Я надеялась, что она знала, – сказала Миас, указывая на тело.

– Но она не знала, – предположил Джорон.

– Нет. Ничего. Все детали были известны только супруге корабля. Они совершали такое путешествие уже дважды. Забирали несчастных с одного корабля и встречались с другим, всякий раз на новом острове. Тех, кто оставался в живых, переносили на другой корабль, мертвецов выбрасывали за борт.

– Звучит так, что рабовладение выглядит как замечательное изобретение, – заметил Джорон.

– Ты видел тех, что лежат на палубе. Насколько они способны к работе? – Миас не стала дожидаться его ответа. – Очевидно, их перевозили не для этого, но настоящая причина остается тайной.

– И что мы будем делать дальше? – спросил Джорон.

– Продолжим искать пирата, потом отправимся в Бернхьюм и найдем ответы, они всегда там. Индил Каррад должен что-то знать, у него превосходная шпионская сеть.

– Если нас снова не отправят куда-нибудь, – сказал Джорон.

– Я слишком много раз позволяла моей матери меня прогонять. Больше у нее не получится, – заявила Миас. – Я найду способ задержаться в Бернхьюме, и мы начнем поиски. Я не хочу, чтобы это оказалось правдой, но бумага, которую показала мне супруга корабля, написана рукой моей матери, во всяком случае, такое у меня сложилось впечатление. – Она смолкла и покачала головой. – И такое количество ветрогонов – ими всегда незаконно торговали, но только по одному или два, – я никогда не видела столько сразу. Я не понимаю. Что-то здесь не так, Джорон, что-то...

Ее речь прервал ворвавшийся в каюту ветрогон.

– Лишенные ветра! – пронзительно прокричал он.

– Что? – спросила Миас.

– Лишенные ветра! – снова крикнул он.

– Я не знаю, что это значит, ветрогон, – нетерпеливо сказала Миас.

Говорящий-с-ветром медленно переступал с одной ноги на другую, и возникало ощущение, что между каждым следующим шагом он парит в воздухе. Затем его голова повернулась в сторону труп на стуле.

– От этого не пахнет болезнью, – заявил ветрогон.

– Что такое лишённые ветра, ветрогон? – спросил Джорон.

Говорящий-с-ветром щёлкнул клювом, продолжая указывать на мертвое тело, а потом повернулся к ним.

– Так, разговоры ветрогонов, что носит ветер, лишённые ветра ветрогоны.

– Ты хочешь сказать, что они не могут контролировать погоду? – спросила Миас.

– Лишённые. Ветра, – сказал он, словно это были самые очевидные вещи на свете.

– Я не знал, что такое бывает, – признался Джорон.

– Люди не знают ветрогонов, – сказал ветрогон. – Лишённые ветра бесполезны.

– Итак, – сказала Миас, – у нас есть корабль, полный больных и бесполезных, направлявшийся в неизвестное место. – Если бы женщина на стуле не была уже мертва, то Миас ударила бы ее еще раз – каждое движение супруги корабля говорило о раздражении и гневе. – Это похоже на рабство, Джорон, ты прав. Но если корабль действительно послала моя мать – нет, я не могу в такое поверить. У нее много отрицательных качеств, но она ненавидит рабство. Мысль о том, что кто-то может получить прибыль от людей ее народа, вызывает у нее ярость. – Миас принялась расхаживать по залитому кровью полу каюты. – Мы вернемся на «Дитя приливов». Там решим, что делать дальше, и отберем команду для этого корабля.

– Ветрогоны, – сказал Джорон, – что нам делать с лишёнными ветра?

Нарисованные глаза посмотрели на Джорона.

– Убить всех, – сказал ветрогон.

5

В глубинах лишь тьма

Вернувшись на «Дитя приливов», они устроились в большой каюте, и Миас налила обоим анхир, пока Меванс сутился, накрывая на стол, – хотя они лишились аппетита.

– Я же сказала, что мы не голодны, Меванс, – заявила Миас.

– Да, но тело должно получить топливо, даже если вы того не хотите, – ответил он и поставил перед ними две миски с горячей рыбной похлебкой.

Миас слегка покачала головой и, бросив на Меванса мрачный взгляд, взяла ложку и отправила в рот немного похлебки. Меванс наградил ее улыбкой и вышел из каюты.

– Ведет себя, как богом забытая птичка-мать со своими птенчиками, – проворчала Миас.

– Кстати, о птицах, – сказал Джорон, – ты выполнишь то, что сказал ветрогон, – убьешь «лишенных ветра»?

Миас покачала головой.

– Нет, если только он не решит рассказать нам о них больше и почему пришел к такому выводу – но даже после этого, возможно, я не стану их убивать.

– И что мы с ними сделаем? – спросил Джорон.

– Отправим в Безопасную гавань на «Сокровищах девы». – Миас смотрела в пустоту, когда произносила эти слова.

– Ты о чем-то тревожишься, супруга корабля Миас?

Она съела еще одну ложку похлебки, и Джорон, несмотря на увиденные ими ужасы, почувствовал, что голоден.

– Да, и о многом, – тихо ответила она. – Главным образом меня тревожит необходимость отправить с «Сокровищами девы» часть моей команды.

– Ты опасаясь, что они могут сбежать? – спросил Джорон.

Она покачала головой и бросила на него мрачный взгляд.

– Те, кого я пошлю, не сбегут. Меня тревожит, что корабль может не доплыть. Он в плохом состоянии, а я не могу себе позволить потерять верных членов команды.

Джорон понимал, что осталось недосказанным. С каждым днем становилось все более очевидно, что на «Дитя приливов» появилась группа, которая считала, что они лучше бы управляли кораблем. Лучше, при этом не подчиняясь флоту, а в качестве пиратов. Те, кто был жестоким или считал себя несправедливо обиженным, нашли друг друга и объединились. Их возглавляла Квелл, и, хотя являлась яростной и склонной к насилию женщиной, ей хватало ума понимать, что у нее недостаточно мастерства, чтобы быть супругой корабля. На Ста островах не учили бедняков основам навигации и чтению. Но теперь Квелл подружилась с Динилом, у него имелось достаточно поводов для обиды, и он умел управлять кораблем, а Спракин, пусть и нечестный, мог заниматься финансами и решать вопросы снабжения корабля.

Они ели молча, автоматически наполняя свои тела и не глядя друг на друга. Закончив трапезу, Миас подошла к одной из полок в каюте, стуча сапогами по костям палубы, и взяла корабельный журнал. Она открыла его, и Джорон успел просмотреть списки имен прежде, чем она повернула книгу так, что он уже их не видел.

– Приведи сюда ветрогона, Джорон, – сказала она.

– Я могу послать Серьезного...

– Сделай это сам, пожалуйста.

Он кивнул. Встал, коротко и уважительно поклонился и отправился через весь корабль по черным палубам, по черной лестнице на нижнюю палубу. Обращая внимание на каждого встреченного члена экипажа – некоторые приветствовали его дружеским кивком и криком:

«хранитель палубы», другие смотрели равнодушно. Еще реже попадались те, что старались не выполнять его приказы или делали это нарочито медленно, не показывая необходимого уважения офицеру. Однако речь не шла о настоящем неподчинении, чтобы Серьезный Муффаз мог принести веревку и наказать виновного.

Это были опытные дети палубы, такие, как Спракин – они прекрасно знали ширину доски, по которой шли, и какую толику неуважения можно себе позволить, чтобы не получить наказание. И, хотя Джорон ненавидел себя за это, он знал, что старается по возможности не отдавать им приказы. Он передавал такую работу Динилу, хотя и понимал, что лишь усиливает положение смотрящего палубы.

Джорон постучал в дверь каюты ветрогона. Однажды он вошел сразу и застал его без одеяний – ветрогон чистил длинные перья клювом – прежде они были белыми, теперь же появились и другие цвета. Тогда Джорон понял, что вторгся в нечто очень личное. Возможно, это их как-то объединило, Джорон чувствовал, как их связь росла день ото дня, или ярость ветрогона, вспыхнувшая, когда он его увидел, – он принялся швырять в Джорона камни, тряпки и все, до чего мог дотянуться. С тех пор он всегда стучал, перед тем как войти.

– Входи, Джорон Твайнер, – сказал ветрогон.

Каюта ветрогона отличалась от остальных на корабле. Окошко неизменно оставалось открытым, и внутри всегда было холоднее, чем в любом другом месте. Там хозяйничал ветер, раскачивая безделушки, свисавшие с потолка на веревочках, – перья, стеклышки, камушки с дырками, которые говорящему-с-ветром особенно нравились, стебли вариска, украденные из трюма, где ветрогон спал. Если только сон – правильное слово; казалось, он никогда не засыпал по-настоящему, просто сидел на корточках в созерцательном состоянии. Когда бы Джорон к нему ни подходил, ветрогон неизменно демонстрировал, что он не спит. Когда Джорон спал, иногда он видел свою каюту, словно бы тайными глазами ветрогона.

– Миас хочет с тобой поговорить, ветрогон, – сказал Джорон.

– Авк! – пронзительно прокричал ветрогон. В его маленькой каюте звук оказался оглушительным. – Супруга корабля, супруга корабля, – пропел он и встал. – Я иду.

Они вернулись в каюту Миас, только теперь шли медленнее. Команда «Дитя приливов» проверяла дуголуки – шесть больших луков на сланце и двадцать поменьше на нижних палубах, – и ветрогон со своим неизменным любопытством чувствовал необходимость остановиться и понаблюдать за каждой группой. Он проверял все, что они делали, острый изогнутый клюв указывал в сторону разных механизмов, когда их поочередно проверяли; удовлетворив любопытство, ветрогон заявлял: «хорошая работа» или «хорошо сделано», его голос звучал невероятно похоже на собственный голос Джорона, и ему становилось не по себе. С такими многочисленными остановками они перемещались по кораблю, и, если дети палубы обращали внимание на ветрогона, никто из них не подавал вида. Они с юмором относились к его манере подражать офицерам, многие с трудом сдерживали смех.

В каюте Миас они некоторое время стояли, пока она изучала корабельный журнал. На столе лежали листы пергамента, на каждом – запись, сделанная ее красивым почерком, и, когда они вошли, Миас собрала бумаги, свернула в конус и подожгла от тусклосвета, горевшего у дальней стены. Когда пергаменты разгорелись, она открыла одно из задних окон каюты и выбросила пергаменты, где они навсегда затерялись в волнах Разбросанного архипелага, и только к лучшему – если Джорон правильно понял, что было на них написано: списки тех, кого она считала верными, и тех, кто оставался опасным, – возможно, там же имелись планы борьбы с последними.

– Ветрогон, – сказала Миас.

– Супруга корабля, – ответил ветрогон и склонил повернутую набок голову, чтобы оглядеть ее поверх стола.

– Ты сказал, что нам следует убить остальных ветрогонов? – начала Миас.

– Лишенные ветра, – повторил он странное имя и трижды щелкнул хищным клювом.
– Ты говорил, что их следует убить. – Миас немного помолчала. – Лишенные ветра – почему?

Ветрогон издал странный звук, фыркнул или шумно выдохнул через ноздри, после чего дважды повернулся на месте так, что взметнулись его перья и разноцветные одеяния.

– Предатели! Похитители яиц! Сказители сказок! – Он замолчал, застыв в полной неподвижности. – Великая птица их ненавидит. – Он склонил голову перед Миас. – Убить всех.

Миас смотрела на ветрогона, размышляя над его словами.

– Я должна это обдумать, – сказала Миас. – Ты можешь вернуться в свою каюту.

Ветрогон издал пронзительный крик и выскочил из каюты с поднятым вверх клювом, словно был существом великих достоинств, слишком важным для супруги корабля и ее глупых обычаев. Миас дождалась, когда он уйдет, и снова уселась на стул.

– А что думаешь ты, Джорон Твайнер? Ты готов их казнить только из-за слов твоего друга?

Он задумался.

– Прежде – вполне возможно, – сказал Джорон и уселся на стул напротив Миас. – Но прежде я бы бросил ветрогона на произвол судьбы, чтобы избавиться от страха перед ним.

– Ты думаешь, что он их боится? – Миас сверкнула глазами.

У нее уже имелись собственные мысли на сей счет; конечно, иначе и быть не могло, они были у нее всегда. Он являлся для нее слушателем, которому следовало улавливать ее идеи и возвращать ей обратно, взглянув на них по-новому, как если бы они являлись странным и новым существом, поднявшимся из глубин.

– Может быть, он их и не боится, но совершенно определенно испытывает дискомфорт, – ответил Джорон. – Он говорит о них с очевидной тревогой.

– Он постоянно испытывает тревогу, – заметила Миас.

– Но тут все иначе.

Наступило молчание, пока Миас размышляла. Потом она встала.

– Давай вместе отправимся на «Сокровища девы», – сказала она. – Мы поговорим с лишенными ветра, и ты скажешь, что о них думаешь. – Она улыбнулась. – Испытывают ли *они* «дискомфорт».

Их доставили на другой корабль гребцы, слишком малое расстояние, чтобы использовать крыло-лодки, – Меванс на корме задавал ритм, там же разместились Нарза и Анзир. Джорон стоял с Миас на носу, и они вместе смотрели, как растет коричневый борт торговца.

– Ты уже решила, что с ними делать? – спросил Джорон.

Она покачала головой.

– Я послала Коксварда, чтобы он внимательно осмотрел «Сокровища девы». Это большой корабль, который может оказаться полезным, если удастся удерживать его на плаву, но если нет – мертвый груз.

– Мастер костей – лучший специалист по кораблям, что у нас есть, – ответил Джорон.

– Какая-то часть меня рассчитывает, что мы сможем оставить его здесь, – сказала Миас. – Тогда не потребуется разбивать команду на две части.

– Так почему бы сразу это не сделать? – поинтересовался Джорон.

Она смотрела на корабль, который тихонько покачивался на волнах, размышляя над вопросом Джорона.

– Потому что он нам нужен. У Ста островов и Суровых есть сотни кораблей для ведения войны, а наше маленькое движение за мир держится между ними, плохо снаряженное и не готовое к нападению врага. – Она усмехнулась, потом подхватила лестницу, сброшенную вдоль борта «Сокровищ девы», и ловко полезла наверх. Джорон последовал за ней, не так быстро и с огромной осторожностью.

Наверху их уже ждал мастер костей Коксвард. Он также закутался в плотный плащ, защищаясь от холода, и Джорон знал, что под ним его тело забинтовано для защиты пораженной язвами кожи – у него была болезнь гниль-кейшана, которая постепенно его поглощала, обычная судьба мастеров костей и тех, кто занимался обработкой тел морских драконов.

– Он сможет летать по морю, супруга-корабля, – сказал Коксвард, который не выглядел довольным. – Но этот корабль, – он дважды топнул ногой по потрескавшемуся сланцу палубы, – никто бы не назвал счастливым. Его бы следовало отправить к Старухе, ведь ему никогда не избавиться от вони страданий.

– Тут я не стану с тобой спорить, Коксвард, но он нам нужен. Ты можешь сделать так, чтобы на нем было возможно находиться?

– Ну... – Он сделал глубокий вдох. – Мы вытащили полки из трюма. Там все еще воняет, как во внутренностях кейшана, и тут ничего не изменить. Моя команда начала работу с правой части. – Его лицо оставалось мрачным.

– Они будут награждены за работу, – обещала Миас. – Я знаю, что это трудная задача.

– Там внизу есть еще трупы, супруга-корабля, – тихо сказал он. – Она кивнула и коснулась его руки. – Мы собираем тела на нижней палубе, – продолжал он. – Мы уже начали выбрасывать их за борт, но такое количество может привлечь крупных морских хищников, а нам это совсем ни к чему.

Миас кивнула.

– А где Гаррийя? – спросила она.

– Она превратила каюту супруги корабля во владения Старухи, – ответил Коксвард и смущенно отвернулся, – для лечения.

– Я поговорю с ней, – сказала Миас. – Продолжай работу, Коксвард, ты знаешь, что я тебе благодарна.

Оттуда они отправились в бывшую каюту супруги корабля. Миас постучала, и услышала ответ Гаррийи:

– Входите, супруга корабля. Входи, Зовущий.

Внутри небольшая каюта изменилась. Большую часть мебели убрали, в центре полыхала жаровня. Гаррийя, маленькая и скрюченная, присела на корточки перед жаровней, рядом с ней на стуле супруги корабля пристроился юноша, глаза которого были плохо сфокусированы.

– Гаррийя, – начала Миас, но старуха подняла руку, чтобы ее остановить.

Если бы так поступил кто-то другой, Миас пришла бы в ярость и призвала Серьезного Муфффаза, чтобы он принес свою веревку, но здесь промолчала.

Гаррийя наклонила юношу на себя. Тряпье, в которое он был одет, не скрывало язвы, покрывавшие его тело. Джорон заметил, что старая женщина что-то жует. Затем она вытащила катышек разжеванных листьев и засунула их юноше в рот, потом набрала воду кружкой из стоявшей рядом миски и помогла ему запить катышек, поглаживая его горло, чтобы помочь проглотить. Когда он справился с этой задачей, она принялась мягко покачивать его, с закрытыми глазами напевая мотив без слов. Мелодия показалась Джорону знакомой, и в тот момент, когда он ее почти узнал, юноша открыл глаза, закашлялся и стал делать глубокие хриплые вдохи. Его слабые мышцы заработали, он попытался драться или бежать, Гаррийя крепко его держала, что-то тихонько продолжая говорить на ухо.

– Не бойся, дитя, не бойся. Мать ждет. Дева тебя примет. Старуха позаботится о том, чтобы твой переход получился быстрым, а боль короткой, – ничего не бойся. – Она снова и снова повторяла эти слова, и дыхание юноши постепенно успокоилось, кашель прошел, мышцы расслабились, и вскоре он застыл в неподвижности. Губы старой женщины шевелились – то ли гримаса, то ли улыбка, потом она протянула руку и закрыла ему глаза. – Спи крепко, дитя, – сказала она и осторожно положила юношу на пол.

– Его нельзя было спасти? – спросила Миас.

Гаррийя наклонилась, опустила руки в миску с водой и достала из кармана тряпку, чтобы их вытереть.

– На земле, где полно еды? Да, я могла бы его спасти, и он прожил бы годы, пока гниль не овладела бы им окончательно. Но в море, в холоде и с рационами детей палубы? Нет, его нельзя было спасти.

Миас кивнула.

– А можно спасти хотя бы кого-то?

– На борту находилось четыре сотни человек, супруга корабля, которые были живы, – сказала Гаррийя и тихо рассмеялась. – Да, старая Гаррийя знает счет, супруга корабля, не нужно так удивленно на меня смотреть. Старая Гаррийя умеет делать многое. Но спасти всех несчастных? – Она указала на труп юноши. – Не здесь. Среди них есть сорок человек, у которых хватит сил, чтобы выжить. Это очень странно, супруга корабля.

– Почему?

– Многие из тех, кто находился на борту, не успели так сильно сгнить. Если бы с ними лучше обращались, они могли бы работать годы.

– У них у всех гниль? – спросил Джорон. Гаррийя кивнула. – Откуда они, у тебя есть какие-то догадки? – Гаррийя покачала головой.

– Даже самые сильные недолго остаются в сознании, – сказала она. – В лучшем случае пройдут дни, прежде чем мы что-то услышим от большинства из них. А те, кто в состоянии говорить, ну...

– Что такое? Объясни, старая женщина, – нетерпеливо потребовала Миас.

– Один из них поведал мне историю, но, полагаю, она будет не слишком полезной. Он сказал, что они востребованы меньше всех, изгой дарнов, их брали на улицах, предлагали работу, а потом в течение недель переправляли с одного корабля на другой. Однако многие на этом корабле из Бернхьюма, так он сказал, – продолжала Гаррийя.

– Где он сейчас? Я хочу с ним поговорить, – сказала Миас.

Гаррийя грустно рассмеялась.

– Со Старухой, супруга корабля, ушел в глубину вместе с остальными мертвецами. – Миас молча смотрела на Руку Старухи, обдумывая услышанное.

– Ладно, – наконец сказала она и посмотрела на труп юноши. – Постарайся сделать так, чтобы они не страдали.

Старая женщина кивнула.

Они вышли из бывшей каюты супруги корабля и спустились на нижнюю палубу, чтобы увидеть лишенных ветра.

До них донесся стук – это начали работать люди Коксварда, разбиравшие полки из джи-она, на которых прежде лежали люди. Правую и левую двери сняли, свет проникал внутрь через носовые иллюминаторы, однако вонь рассеивалась очень медленно. В конце палубы Джорон заметил груды, как ему сначала показалось, старого вариска, но он ошибся. Там лежало много людей, завернутых в ткань крыльев. Очень много. Джорон отвернулся и принялся заново завязывать тряпицу на лице, чтобы дать себе время подумать. Миас открыла оставшуюся дверь в центральную часть нижней палубы.

Здесь было темно, только слабое сияние тусклосветов, заново наполненных маслом, разгоняло сумрак. Там их ждали лишенные ветра, которые сгрудились в углу. Они напомнили Джорону ветрогона, каким он его увидел во время первой встречи, кости-палочки под грязными дырявыми одеяниями. Когда они подошли ближе, Джорон обнаружил, что лишенные ветра разделились на две группы – одна, побольше, в самом конце, и совсем маленькая ближе к двери. Возможно, Джорону лишь показалось, но у него возникло ощущение, что эти ветрогоны меньше размерами, чем он привык. И, совершенно определенно, они выглядели более

робкими. Он понимал, как сильно осанка и поведение могут влиять на внешность, тем не менее не сомневался, что не ошибся.

Когда первая группа лишенных ветра двинулась вперед, он заметил и другое отличие: у его ветрогона на каждой ноге имелось по три пальца, заканчивавшихся острым когтем, а у этих было два таких же наружных пальца, но центральный заметно короче, с более длинным, острым и загнутым когтем.

– Я супруга корабля Миас, – сказала она. – Именно я освободила вас из заточения.

Сначала вперед выступил лишенный ветра из группы поменьше. Он приволакивал одну ногу, низко опустил голову и скрытое маской лицо. И только после того, как он посмотрел вверх, Джорон увидел, что, в отличие от остальных ветрогонов флота, у него были глаза – хотя они не походили на горящие глаза говорящего-с-ветром, что скрывались под маской оставшегося на «Дитя приливов» ветрогона. Он разглядел большие черные зрачки на белом фоне, которые лишь частично прятала маска, очень человеческие глаза.

– Как мы можем служить? – скрипучим голосом спросил ветрогон, который старался не смотреть в глаза Миас.

Только теперь Джорон заметил, что он крупнее остальных.

– Я хочу знать, как вы сюда попали, – сказала Миас.

Лишенный ветра содрогнулся. Джорон услышал скрип и щелчки ветрогонов за спиной их вожака, но тот зашипел и заставил их замолчать. Голоса ветрогонов показались Джорону странно немusикальными.

– Нам сказали, идите на корабль. Ветрогоны пошли.

Миас продолжала на него смотреть. У этого ветрогона имелись сторонники, три или четыре стояли рядом с ним, остальные отошли назад. Джорон отметил, что лидер, несмотря на ужасное состояние, немного чище и сохранил больше перьев на шее.

– Наш говорящий-с-ветром, – продолжала Миас, – сказал, что вы предатели и вам нельзя доверять. Он говорит, что вы заслуживаете смерти.

– Нет, нет, – проворковал лишенный ветра и сделал шаг вперед. – Лишенные ветра помогут. Лишенные ветра помогут вам. Лишенные ветра делают хорошую работу. – Его голос понизился и стал полон угрозы. – Говорящий-с-ветром нуждается в веревке. В наказании.

– Только я могу отдать приказ о наказании веревкой, – заявила Миас.

– Да, да. Ветрогон лжет, – сказал лишенный ветра. – Мы не лжем. Мы лучше. Мы лучше его. Мы знаем место. Говорящие-с-ветром не скажут место без веревки. Покажем супруге корабля место.

«Интересно, – подумал Джорон, – разбираются ли ветрогоны в выражениях человеческого лица». Сейчас лицо Миас выражало полнейшее презрение.

– Вы можете работать? – спросила Миас.

– Да, да. Работать тяжело. Держать ветрогонов на месте.

– А другую работу вы можете делать? – спросила она.

Он смотрел на Миас, и Джорон увидел, как медленно опустились веки под маской.

– Лишенные ветра делают то, что им говорят, – ответил он.

– И они согласны? – спросила Миас, склонив голову и глядя на другую группу, где собрались более оборванные и потрепанные лишенные ветра.

– Они будут делать, что им скажут, – ответил вожак.

– Предатели! – сказал один из лишенных ветра, стоявших в дальнем конце каюты, и, словно он был огнем, а остальные соломой, они моментально отошли от него, и он остался один, а они всячески показывали, что не имеют к нему никакого отношения.

– Молчи! – сказал лишенный ветра, который говорил за остальных.

Он запрыгал в сторону того, кто выкрикнул «предатели», подняв крылья под одеяниями, и для всех, кто вырос на Ста островах и имел представление о птицах, стало очевидно, что насилие неизбежно.

– Прекратить! – взревела Миас, и большой лишенный ветра застыл на месте.

А потом повернулся и съезжился.

– Лишенный ветра прекратить, лишенный ветра делать, как супруга корабля говорить. Лишенный ветра хороший работник.

– Я хочу говорить с ним, – сказала Миас, указывая на того, кто осмелился без разрешения произнести единственное слово.

Большой лишенный ветра медленно открыл и закрыл клюв, очевидно, подумал Джорон, сомневался или размышлял.

– Этот неправильный, – сказал он. – Сломан.

– Ты обещал, что будешь делать, как тебе скажут, – напомнила Миас.

Лишенный ветра опустил голову, затем отпрыгнул в сторону, и Миас подошла к ветрогону, который стоял, низко опустив голову. Хотя все они казались чуждыми и диковинными существами, и читать язык их тел было довольно сложно, в данном случае не вызывало сомнений, что он находится в угнетенном состоянии.

– Воры, – тихо сказал он. – Паразиты. Заковывающие в цепи. Кусаящие. Мучители. Тюремщики. Убийцы, – едва слышно продолжал он.

Казалось, по рядам всех лишенных ветра промчался холодный ветер. Они стали жаться друг к другу, словно прячась от слов своего соплеменника.

– Значит, говорящий-с-ветром прав, – сказала Миас. – Вы предатели своего вида.

– Какой выбор? – спросил он. – Какой выбор без ветра?

Прежде чем Миас успела ответить, раздался яростный крик, и более крупный лишенный ветра налетел на маленького, широко расставив в стороны крылья и быстро преодолев расстояние между ними.

– Причина неприятностей! Лжец! – верещал большой, и рука Миас метнулась к арбалету, но атаковавший лишенный ветра оказался слишком быстрым.

Он подпрыгнул вверх, одна когтистая нога вытянулась в сторону маленького лишенного ветра, тот дернулся в сторону, когти пролетели мимо его головы, пробили одеяние на спине и погрузились в тело. Но жертва оказалась небеззащитной – он развернулся прежде, чем коготь глубоко вошел в его плоть, и поднял собственную когтистую ногу. А когда вожак приземлился лицом к своему противнику, нога маленького быстрым и точным движением метнулась вперед, и острый коготь рассек горло атакующего. Большой лишенный ветра отшатнулся и открыл клюв, пытаясь что-то сказать, но из его горла хлынула кровь, и он замертво упал на палубу. А маленький лишенный ветра подошел к нему с красной кровавой полосой на грязном одеянии.

– Предатели, – сказал он труп. – Нет ложь.

Остальные ветрогоны зашумели. Они расправляли крылья, их клювы раскрылись в крике, быстро обозначились боевые линии.

– Всем молчать! – крикнула Миас.

Мгновенно наступила тишина, словно повиновение человеческому голосу было для них законом.

– Я супруга корабля Миас, и мое слово здесь закон. Мое правление абсолютно. Если среди вас есть те, кто хочет, чтобы его отделили от остальных, встаньте справа от меня. – Она оглядела всех. – Вы меня поняли? Справа – это сюда. – Миас показала. Никакой реакции, никакого движения. – Теперь это мой корабль, и все для вас будет иначе, – продолжала она. – Так мы живем. И то же самое будет со мной у вас. – Она стояла властная и уверенная в себе.

Затем с негромким шипением ветрогоны разбились на две группы, одна справа от Миас, другая слева.

Она указала на лишнего ветра, который оказался перед ней, на его одеяниях все еще была свежая кровь.

– Ты умеешь сражаться, – сказала она.

– Нас заставляли. Поддерживать порядок. Иногда развлекали. Могу сражаться, – сказал он.

– Ладно, я попрошу Гаррию осмотреть твою рану. Возможно, у меня найдется для тебя работа.

6

Какой плохой груз находят в море

– Не хотеть! – пронзительный крик, за которым последовал удар камня о костяную стену за головой Миас, когда ветрогон отступил в угол своего гнезда, широко раскрыв крылья под одеяниями, словно пытался закрыть часть своих сокровищ. – Не хотеть! – снова прокричал он.

– У Джорона есть тень, и у меня есть тень, потому что мы важны для управления кораблем. Ты тоже важен для «Дитя приливов», поэтому у тебя будет тень, чтобы тебя защищать.

– Не хотеть! – в третий раз прокричал он и швырнул маленькую металлическую чашку, причем настолько ловко, что Миас пришлось увернуться.

– Джорон, попробуй пробудить в нем разум. – Она указала на ветрогона. – Я буду в своей каюте обсуждать с Динилом и курсером наш следующий шаг. – Она повернулась и вышла.

Почувствовал ли Джорон ревность из-за того, что она все еще доверяла смотрящему палубы, хотя он даже не скрывал ненависти к ней? Может быть, но Джорон отбросил это чувство ради блага корабля, как научился не обращать внимания на постоянную сырость, неудобства, холод, усталость и тысячи других вещей.

– Не хотеть, Джорон Твайнер, – сказал ветрогон, но его ярость исчезла.

Голос стал тихим и печальным.

– Миас сказала, что вопрос решен, – ответил Джорон.

– Плохая супруга корабля, – заявил ветрогон.

– Ты знаешь, что это не так. – Ветрогон зашипел. – Я скажу лишенному ветра, чтобы он находился рядом с тобой только в том случае, если тебе будет грозить опасность.

– Не в гнезде. – Он шагнул к гнезду и сел. – Нет вора в гнезде.

– Я позабочусь о том, чтобы он это знал, – заверил его Джорон.

– Не хотеть.

– Мы сделаем вид, что ты согласен. Возможно, потом Миас забудет, и мы тихо обойдем ее приказ? – Джорон знал, что она не забудет, но рассчитывал, что со временем ветрогон перестанет испытывать неприязнь к лишенному ветра.

– Плохая супруга корабля, – снова прошипел он.

Джорон не стал ему отвечать, повернулся и вышел.

Снаружи он нашел лишенного ветра, который убил вожака.

– Не хочет меня, – сказал он.

– Ну да, – ответил Джорон. – Возможно, будет лучше, если ты станешь соблюдать дистанцию, пока ветрогон к тебе не привыкнет.

– Дистанцию, – сказал лишенный ветра.

– Да, – сказал Джорон.

Лишенный ветра кивнул и устроился на полу рядом с дверью.

– Я не очень уверен, что *это* отвечает слову дистанция, – проговорил Джорон.

Однако лишенный ветра ничего не ответил и даже не взглянул в его сторону, но Джорон знал, что ветрогоны обладают поразительной способностью слышать то, что они хотят, а потом действовать на этом основании. В конечном счете было проще дать им все обдумать самостоятельно. Поэтому он оставил говорящего-с-ветром и лишенного ветра, разделенных костяной стеной и тонкой дверью, надеясь, что позже его не призовут сюда, чтобы он прекратил драку. Впрочем, то, что он видел на борту «Сокровищ девы», убеждало, что схватки ветрогонов быстры, жестоки и смертельны. Он вспомнил жуткий коготь лишенного ветра и подумал, что ему очень не хотелось бы вступать с ним в единоборство.

Джорон прошел по кораблю и отметил, что, несмотря на новую и странную команду, которую Миас привела на борт, жизнь шла обычным чередом. Женщины и мужчины дневных вахт привычно выполняли свою работу, остальные спали. Некоторые находились на грузовых палубах, где переставляли груз так, чтобы корабль мог лучше летать, другие поднимались на мачты, чтобы поставить крылья. Несколько человек проверяли большие дуголуки на палубе, остальные мыли и красили. Проходя мимо работавших людей, Джорон старался найти слово для каждого, хотя часть из них встречали его с вежливой угрюмостью.

Он миновал Спракина, который ничего конкретного не делал. Джорон знал, что следует указать ему на это, но увидел Квелл и решил пройти мимо, словно он их не заметил. В большой каюте Миас и Динил склонились над картой – почувствовал ли он ревность? – и обнаружил курсера Эйлера, стоявшего у них за спиной, его лицо Джорон не видел.

– Джорон, – сказала Миас, – Эйлерин говорит, что ему приснился хороший ветер и спокойное море на следующие несколько недель, пока мы будем лететь в Безопасную гавань, поэтому я решила, что мы отведем туда «Сокровища девы». Каррад часто повторяет, что нам требуются корабли. Кроме того, мы можем оставить там лишенных ветра.

– Это порадует нашего ветрогона, – ответил Джорон.

– Да, – кивнула она.

Все время, пока она говорила, Динил смотрел на него, и Джорон отчаянно сражался с желанием переступить с ноги на ногу под его взглядом. Во всех вопросах, связанных с флотом, Динил превосходил Джорона – его выделил Индил Каррад, и он прошел прекрасную подготовку, в то время как Джорон был всего лишь сыном рыбака. И все же Миас, по каким-то собственным причинам, предпочла его Динилу – с тех пор прошло два года. И один год после того, как он отсек Динилу руку, чтобы спасти Миас и уничтожить дружбу, которая у них возникла. Каждый день Джорону приходилось напряженно работать, чтобы все убедились, что он ничуть не хуже Динила и больше подходит для роли офицера. Каждый день он трудился изо всех сил и жил под холодным, оценивающим взглядом человека, который когда-то был его другом, любовником и источником тепла.

– Они будут рады увидеть нас в Безопасной гавани, – сказал Джорон, – и им очень пригодятся дополнительные руки для строительства. Насколько велика образовавшаяся там колония?

– Тысяча человек, таковы мои последние сведения, – ответила Миас. – И она растет. Те, кто желают мира, узнают о ней и находят нас, или мы их.

– Ваша мать однажды вас отыщет, Миас, вы это знаете, – сказал Динил, и от его слов в кабине стало холоднее.

Смотревшая на карту Миас кивнула.

– Я не сомневаюсь, что моя мать уже все знает, – ответила она.

– Однако она так и не выступила против нас? – сказал Джорон.

– Каррад ее шпион, он контролирует информацию, которую она получает. Она может знать о нашем движении, но не о его размерах. Вероятно, она считает, что нас не стоит брать в расчет.

Динил кивнул.

– Будем надеяться.

Они летели по океану неделю и один день, и добрый ветер позволял им не прибегать к услугам ветрогона. Всякий раз, когда Джорон проходил мимо его каюты, лишенный ветра находился рядом. Джорон ни разу не видел, чтобы тот ел или даже пил, никогда не слышал, чтобы он с кем-то разговаривал или шевелился, и, хотя Джорон всегда помогал тем, кто страдает, он не осмеливался, из страха нарушить дружбу с ветрогоном.

Тем не менее складывалось впечатление, что путешествие будет легким, а ни один дитя палубы не жаловался, если работа становилась не такой тяжелой, и погода, если не была теплой, перестала быть ужасающе холодной.

– Корабль на горизонте!

Крик раздался во время вахты Джорона, в тот странный момент, когда Глаз Скирит еще не успел полностью открыться, лишь посеребрил тучи и окрасил позолотой волновавшееся море. Как только крик прозвучал, Джорон взобрался на главную мачту. Без той легкости, с которой это делала Миас или дети палубы, Джорон знал, что ему никогда ее не достичь – он все еще испытывал страх, когда ощущал хрупкость своего тела и вспоминал о смерти отца, – но все-таки увереннее, чем прежде. Наблюдатель указал в сторону корабля, четыре точки тени справа, Джорон вытащил из кармана подзорную трубу Миас и отыскал корабль. Две мачты, черные паруса.

– Корабль мертвых, – сказал он. – Я думаю, наши союзники на «Оскаленном зубе», но никогда не помешает быть наготове. – Прислонившись к сиденью наблюдателя, он крикнул вниз: – Фарис! Позови супругу корабля, нужно очистить палубу для боя! – Он услышал, как Фарис передает его приказ, зазвонил колокол, начали бить барабаны, и он знал, что палуба скоро будет напоминать муравейник, потревоженный вышедшим на охоту кивелли. Команда выскакивала на палубу из люков, чтобы закрепить паруса и подготовить «Дитя приливов» к схватке.

К тому моменту, когда он спустился на сланец, корабль уже приготовился к войне: команды заняли свои места у дуголуков, вдоль палубы протянули канаты, гамаки привязали к бортам, луки подготовили, чтобы быстро снять с них веревки. Миас заняла свое место на корме.

– Корабль на горизонте, супруга корабля. – Джорона всегда удивляло спокойствие, с которым ему удавалось произносить эти слова, как будто они не были предвестниками смерти, боли и хаоса. – Четыре румба по правому борту. – Он протянул Миас подзорную трубу, она взяла ее и поднялась вверх на несколько шагов по кормовой мачте, одной рукой крепко держась за веревку, а ногами упираясь в кость, пока смотрела вдоль танцевавшей позолоченной воды.

– Это «Оскаленный зуб». Он поднял флаги сообщений и движется к нам. – Миас убрала подзорную трубу и повернулась к стоявшей у руля Барли. – Три румба вправо, – сказала она. – Готовимся к встрече с «Оскаленным зубом» и приему супруги корабля Брекир. – Она повернулась, чтобы отыскать взглядом своего стюарда, Меванса, который, как всегда, уже находился там, где нужно.

– Я организую еду и напитки, супруга корабля, – с улыбкой сказал он, кивнув головой.

И отправился на поиски матери палубы, Серьезного Муфффаза.

– Куглин и морская стража будут готовы для встречи супруги корабля Брекир, супруга корабля Миас, – сказал Серьезный Муфффаз.

Он получил утвердительный кивок от Миас, благодарности не полагалось, ничего другого и не ждут от матери палубы. Теперь «Дитя приливов» жил как корабль флота. Никаких бездельников, любителей полежать на сланце или тех, кто не знал свое место; и не важно, что она не может верить всем. Да, такое есть, но Миас не сомневалась, что она всецело управляла кораблем так, как считала нужным, – иными словами, хорошо.

Вот почему, когда супруга корабля Брекир покинула свой корабль, чтобы подняться на «Дитя приливов», ее встретили у лестницы и помогли взойти на палубу. Морская стража в синей форме, которой их обеспечила Миас, стояла с поднятыми в приветствии курновыми, как если бы Брекир являлась великой супругой корабля с большого костяного корабля флота, а вовсе не опозоренной супругой корабля с вражеского судна.

Брекир гордо стояла на сланце «Дитя приливов». Она родилась на юге, как и Джорон, и у нее была даже более темная кожа. В отличие от Джорона, она редко улыбалась и несла

ощущение морского дождя, хотя он знал, что за суровой внешностью скрывается острый язык. Брекир привела с собой двух детей палубы и хранителя палубы, размером почти со всех троих вместе, с бородой, закрывавшей половину лица и свисавшей до самого живота. Он подозрительно огляделся по сторонам, ведь он, как и Брекир, был с Суровых островов, а «Дитя приливов» принадлежал флоту Ста островов – и был номинальным врагом, если бы не мечта о мире, объединившая их.

– Значит, это правда, – тихо сказал хранитель палубы, обращаясь к Брекир, – мы предатели.

– У тебя с этим какие-то проблемы, Вулс? – спросила Брекир.

– О нет, супруга корабля. – В его глазах что-то сверкнуло. – На самом деле, это доставило мне огромное удовольствие.

За ними стояла женщина, маленькая, сутулая и дрожавшая, она смотрела по сторонам так, словно Скирит, Птица Штормов, собирался спуститься и утащить ее с палубы. Джорону хотелось ее поддержать – по одежде он узнал в ней рыбачку, профессия, уготованная судьбой ему самому. И, хотя его тело было крепким и здоровым, мать Джорона умерла во время родов, и он не мог стать избранником, его кровь считалась слишком слабой в стране, где ценилась только сила. Одна из рук рыбачки была вывернута не в ту сторону, и она с тоской смотрела на палубу, чувствуя себя некомфортно среди офицеров, но Джорон знал, что не сможет ее успокоить.

– Как идут дела, супруга корабля Брекир? – спросила Миас. – Надеюсь, все хорошо?

Брекир покачала головой.

– Я вижу, ты была занята, – сказала она.

– Да, я подумала, что в Безопасной гавани пригодится еще один корабль, – ответила Миас.

– Я принесла тебе две новости: плохую и очень плохую, Миас, – сказала Брекир.

– Нам лучше пройти в мою каюту, – сказала Миас. – Если мне предстоит осушить горькую чашу новостей, то я хотя бы запью ее чем-то сладким.

Брекир кивнула, и Миас повела ее в свою большую каюту, где был накрыт стол – стояли лучшие тарелки и лучшая еда, которая имелаась на корабле.

– Садись, – сказала Миас.

Они сели, все, кроме согбенной женщины, которая осталась стоять в дальней части каюты.

– Ты также можешь присесть, рыбачка, – предложила Миас.

«Интересно, – подумал Джорон, – как бы повел себя отец на месте этой женщины». Мысли о рыбаках и близости к женщине, чьи руки покрывали порезы, оставшиеся от разделки рыбы и починки сетей, а еще неописуемый запах, навсегда связанный с лодками его детства, заставили вновь всплыть на поверхность воспоминания о том ужасном дне, когда он потерял отца – *его сильное тело было раздавлено корпусами двух кораблей*. Джорон сглотнул и заморгал, стараясь выбросить печальные образы из головы.

– Спасибо, супруга корабля, – сказала рыбачка, взяла стул в конце стола и неловко на него уселась.

Меванс принес им выпить густого анхира, разогретого в котелке, чтобы прогнать холодные прикосновения морского ветра. Рыбачка посмотрела на анхир, не вызывало сомнений, что она испытывала невероятное смущение, и Джорон наклонился вперед.

– Добрая рыбачка, – сказал он, – супруга корабля Миас пригласила тебя сюда, в свою каюту, и, уверен, она считает тебя такой же, как она сама. Но если тебе будет лучше за пределами этой каюты, я уверен, Меванс найдет для тебя место в другой части корабля, где ты могла бы спокойно поесть и выпить.

– Да, я бы этого хотела, – тихо ответила рыбачка.

– Оставайся рядом, чтобы я могла позвать тебя, Фасни, – тихо сказала Брекир, и рыбачка кивнула, а Меванс вежливо проводил ее из каюты.

Миас посмотрела ей вслед, а потом кивнула Джорону, словно хотела сказать: «хорошая работа», ведь если бы она предложила рыбачке уйти, это выглядело бы как приказ, что заставило бы женщину нервничать еще сильнее.

– Итак, Брекир, насколько плохи твои новости? – Миас улыбнулась, ведь новости Брекир всегда были плохими, даже если другие думали иначе, Брекир всегда находила возможность увидеть во всем темную сторону.

– Самые плохие, супруга корабля Миас, – сказала Брекир, глядя на выпивку, над которой поднимался пар. – А вслед за ними – еще хуже.

– Ну в таком случае давайте сначала поедим, – предложила Миас. – Плохие новости лучше переваривать на полный желудок. Я угощаю вас именем Девы, Матери и Морской Старухи. Наслаждайтесь и будьте благодарны.

Они принялись за еду, и Джорон подумал: неужели новости могут быть такими же плохими, как еда, – зажаренная целиком рыба, пойманная два дня назад, настолько студенистая, что она легко поддавалась зубам, но давила на язык, словно все еще была живой. После не самого лучшего первого блюда, которое съели все, пусть и не получив удовольствия, последовал силш, горячий, укрепляющий напиток, который особенно любили те, кому приходилось выстаивать вахты долгими холодными ночами.

– Итак, Брекир, – сказала Миас, – расскажи нам свои плохие новости.

Брекир сделала глоток силша и покатила горячую жидкость на языке.

– Все, что мы сделали, чтобы защитить клювозмея, оказалось напрасным, – сказала Брекир, оглядела стол и покачала головой. – Смерть. Жертвы. Все напрасно. Кейшана видели снова.

Миас опустила чашу, ее и без того бледное лицо побледнело еще сильнее.

– Клювозмей вернулся? – спросила она.

– Нет, – ответила Брекир. – Появились другие. Пришли сообщения о том, что видели трех, и, хотя пока не удалось убить ни одного, я не сомневаюсь, что строительство башен уже в разгаре. И новых костяных кораблей. Теперь, Миас, война никогда не закончится.

Миас повертела чашу, ее лицо оставалось непроницаемым, но, когда она заговорила, голос был черным и мертвым, как ее корабль.

– Ты говорила, что у тебя есть новости, которые еще хуже, Брекир. Что может быть хуже того, что ты уже рассказала?

Брекир помолчала, словно нужные слова ускользали от нее, лицо исказила мучительная судорога.

– Складывается впечатление, что твоя мать наконец устала от нас, Миас. Она послала корабли в Безопасную гавань, а твоя мать всегда получает то, что хочет. – Она посмотрела Миас в глаза, как будто собиралась с духом, призвав на помощь все свои внутренние силы. – Безопасной гавани больше нет. И нам некуда бежать. Наша мечта мертва.

Все молчали. Никто не произнес ни слова. Надежда, которая росла все это время вместе с их тайной гаванью, разбилась о скалы слов Брекир.

– Больше нет? Но как? – спросила Миас, и ее слова прозвучали в каюте слабее самого легкого бриза.

– Меня там не было, вот почему я привезла с собой рыбачку. Она все видела и поведает вам свою историю. – Брекир подошла к двери. – Фасни, – позвала она, – время пришло.

7

Рассказ рыбачки

– Я здесь, перед вами, супруга корабля Миас, и должна поведать вам мою историю, я не стану лгать, утверждая, будто вы героиня моей молодости, времени, когда я бегала по переулкам Бернхьюма. Сидеть здесь, напротив вас, ну, сказать, что мне трудно находить слова, – это ничего не сказать, и если у вас достанет терпения меня выслушать, я посчитаю, что вы очень добры.

Вот с чего все началось. Я оказалась в Безопасной гавани после того, как море забрало меня и мою флюк-лодку «Тело птицы». Неожиданно налетел ветер и увлек мое суденышко далеко от дома, и не позволял мне вернуться. Вскоре я оказалась возле черного корабля, супруга корабля которого зовут Аррин.

О, вы его знаете? Он хороший человек, несмотря на потерянную ногу, хотя многие скажи бы, что он годен лишь на то, чтобы быть сапожником.

Так или иначе, я знала, что он представитель Суровых островов, а его корабль летал по черным кругам, и я уже хотела молить его, чтобы он сохранил мне жизнь. Сказала, что не испытываю любви к Ста островам, ведь моего мальчика принесли в жертву в качестве крови корабля... а у него всего-то не хватало двух пальцев на правой руке, но Жрицам Старухи все равно. Так вот, супруг корабля Аррин привез меня в Безопасную гавань и сказал, что я могу там жить и работать. Рыбаков всегда принимают с охотой, а вода в тех местах везде теплая, и я могла с легкостью забрасывать свои сети. Я подумала, что сама Мать приглядывает за мной, ведь мои сети оказывались полными всякий раз, когда я их вытаскивала. Я даже встретила человека, который хотел, чтобы я родила ему еще одного ребенка – мое время траура подходило к концу. Жизнь стала лучше, хотя работа оставалась тяжелой, но легче, чем когда-либо прежде.

А потом появились костяные корабли. Это случилось менее двух месяцев назад, насколько я помню.

Нет, супруга корабля, я не знаю имен тех, кто ими командовал. В доках болтали, что главным там был супруг корабля Барнт, и у него двухреберник «Зуб кейшана», но таких, как я, не допускают до разговоров супругов корабля. Всего кораблей пришло четыре – пара двухреберных, как у доброй супруги корабля Брекир, и пара четырехреберных, которые, клянусь, оказались самыми большими из всех, что я видела – а я ведь выросла в Бернхьюме, – но корабли выглядят огромными, когда они снаряжены для войны и приближаются к тебе, – возможно, дело в этом.

Они вставали на внешнем рейде залива Безопасной гавани, и ни один из них не мог войти в бухту или уйти, и они не приближались настолько, чтобы дуголуки башни могли до них достать, но отправили посла для переговоров с нашим Советом дарнов. Они сделали предложение: всем, кто родом со Ста островов, разрешат вернуться домой, а те, кто с Суровых островов, будут принесены в жертву как кровь кораблей или отправятся на шахту, где добывают сланец, ведь они являлись врагами.

Я не думаю, что они ждали от нас отказа, но мы находились не в Бернхьюме, где решение принимает один человек, и Совет дарнов поставил вопрос перед городом. Вы должны гордиться, супруга корабля Миас: ни одна женщина и ни один мужчина не дрогнули, все твердо решили сражаться. И Безопасная гавань начала готовиться к войне, хотя получалось у нас не очень хорошо, ведь мы были не воинами, а обычными людьми, которые устали от нынешнего порядка вещей. Тем не менее у нас имелся свой костяной корабль в порту и запасные части для него, и вместе с супругом корабля Аррином и «Морской вошью» мы чувствовали себя

хорошо, ведь мы уже знали, что он боец. Мы старались изо всех сил, укрепляя город, и, пока этим занимались, они привели к бухте большой корабль из коричневых костей – вроде того, который у вас на буксире.

Они поставили на него катапульты и начали метать огненные шары в город.

То были ужасные дни, ну, вы же понимаете, супруга корабля. Все наши дома построены на камнях острова, спрятаться негде, поэтому мы переносили нападение врага как могли, а Совет дарнов приказал собрать все записи о наших приездах и отъездах и сжечь их, чтобы никто не мог узнать, когда и кто нас посещал и кто поддерживал. Так что вы можете не тревожиться, супруга корабля, вам ничего не грозит с этой стороны.

На второй день они атаковали цепь, закрывавшую вход в бухту, но башни, дуголуки «Морской воши» и ополчение сумели отбить нападение, однако схватка получилась жестокой, и я потеряла своего нового мужчину. Аррин также остался не слишком доволен тем, как все прошло, но ничего не стал объяснять, во всяком случае, таким, как я, ведь я всего лишь рыбака – почему он должен что-то говорить мне? К тому же главным моим спутником в те дни была скорбь о погибшем друге.

Но после первой атаки на защищавшую гавань цепь Совет дарнов отошел в сторону и предоставил Аррину управлять городом – ведь начались военные действия. Он выступал перед нами с хорошими речами, они нас воспламеняли. Однако никого в толпе не удавалось обмануть: все понимали – если с небес не появится Скирит на Птице Бурь, ничто не спасет Безопасную гавань, и к концу второго дня горело все, что не являлось камнем, и мы отошли к большому Жилищу, куда не доставали катапульты. Именно там супруг корабля Аррин рассказал нам о своем плане, и я не стану лгать и говорить, что он вызвал среди нас большое волнение. Он все прекрасно понимал и не стал нас ругать, просто сказал, что не видит другого выхода.

Вы спросите у меня, каким был его план?

Да проклянет меня Старуха, супруга корабля, я забыла, вы ведь не знаете, что произошло. Аррин сказал, что Безопасная гавань не справится сама. Сказал, что схватка за цепь была самой обычной, он назвал ее *изу-чатель-ной*. Сказал, что в следующий раз они атакуют сильнее и энергичнее, у них будет больше морской гвардии, и, да поможет мне Мать, я никогда не видела таких огромных бойцов, как те гвардейцы, и настолько готовых умереть, как они, а из-за смерти моего мужчины мне совсем не хотелось снова с ними сражаться. Аррин сказал, что мы должны оттуда выбраться, и дал каждому из нас послание. Он собрал всех рыбаков – всего тринадцать, что, как вы знаете, является числом, которое благословила Старуха, – и сказал, что мы должны выбраться из гавани, хотя на выходе нас и поджидают большие корабли. Тогда там стояли не только костяные и суденышки из коричневых костей, но и другие, крылофлюки, лишь немногим уступавшие размерами «Морской воши».

Супруг корабля Аррин сказал нам, что мы должны бежать, он выведет «Морскую вошь» и вступит в бой с кораблями на выходе из бухты, за ним поплывут рыбаки, стараясь двигаться с максимально возможной скоростью. Он не стал нам лгать и предупредил, что многие умрут. Но все понимали, что один его корабль не справится с четырьмя костяными кораблями. В общем, он не просил от нас больше, чем собирался отдать сам. Не думаю, что за всю мою жизнь я испытывала такой жуткий страх, чем в тот момент, даже когда клювостудень поднялся передо мной из воды и вцепился в мой корабль – тогда мне чудом удалось уцелеть.

Но этого было невозможно избежать. Он сказал, что мы прорвемся под покровом ночи, и те, кому удастся спастись, должны искать черные корабли – именно там мы найдем друзей, и худшее, что может с нами случиться, – нас возьмут в команду.

Мы вышли в море в ту ночь, и я никогда не испытывала такого страха. Нас вела великолепная «Морская вошь», с поднятыми крыльями, черная, как ночь. Огонь горел у каждого дуголука, ну вы знаете, какой ветер в Безопасной гавани, он дует над островом и способен провести корабль мимо башен на очень высокой скорости. Ну этим и воспользовался Аррин.

Старуха послала ему ветер, и он был полон решимости забрать с собой к ней как можно больше врагов.

Я видела, как сражалась «Морская вошь», а когда услышала боевой стон его дуголуков, подумала, что мы непобедимы. Он вел нас, большой корабль и тринадцать рыбацких суденышек. Я видела его первые залпы и как он пронесся мимо врагов. Я не думаю, что они его ожидали. Насколько я понимаю, он застал их врасплох, и они заплатили Старухе полновесную цену. Один из двухреберников «Морская вошь» практически сразу вывела из строя – у него была сломана главная мачта, и он лишь мешал остальным кораблям. На какое-то время мне даже показалось, что мы прорвемся.

Но кто-то во вражеском флоте был хитрым и умным. И понял наш замысел. Они не стали сразу направлять свои дуголуки на «Морскую вошь». Они начали стрелять в нас, рыбаков. Я никогда не видела таких повреждений...

Нет, пожалуйста, супруга корабля, позвольте мне закончить. Со мной все будет в порядке. Старуха знает: слезы за мертвых – это молитвы, так что разрешите мне помолиться за них, ведь если я сейчас не закончу свою историю, то не сделаю этого никогда.

Понимаете, я не представляла, какой урон может нанести рыбацкой флюк-лодке одно попадание болта из дуголука. У нас не было ни одного шанса. Супруг корабля Аррин сказал, чтобы мы рассредоточились, как только выйдем из гавани, и те, кто не выполнил его приказа, погибли первыми – один залп с борта четырехреберника «Змей Ситер» покончил со всеми. Тех, кто не умер сразу, разорвали на части длинноцепы. С остальными лодками они не торопились. Уничтожали одну за другой. Только лодки, но не команды. Они хотели, чтобы люди падали в воду. Они оказались более жестокими, чем требовалось.

Насколько мне известно, супруга корабля, только я сумела спастись.

Нет, супруга корабля. Не называйте меня отважной, ведь это неправда.

Я выжила только из-за того, что струсилась и не выполнила приказ отважного Аррина. Вместо того чтобы направить свою лодку в море, я повела ее вдоль береговой линии, оставаясь в тени, и обогнула остров. Затем я спрятала лодку в пещере, когда за моей спиной горела «Морская вошь», и, если бы я этого не сделала, то едва ли сейчас находилась бы здесь.

Ну, наверное, вы скажете, что я поступила умно. Но мной двигал страх, не стану лгать себе, супруга корабля.

Я оставалась на острове в течение двух дней и наблюдала. Они ввели свои корабли в гавань, сбросили в море стоп-камни, а потом начало происходить что-то странное: они грузили людей на корабль из коричневых костей. В тот момент, когда я сбежала, в Безопасной гавани оставалось около пятисот человек.

Помощь, супруга корабля? Нет, Аррин не посылал нас за помощью, во всяком случае, в конце. Он отправил нас, чтобы мы рассказали, что Безопасная гавань потеряна, и предупредили вас.

Он послал нас, чтобы вы бежали.

8

Следуя отвратительным курсом

*Пять лет на море она провела,
Сея панику среди врагов,
Оставляя за собой горящие обломки и кровь,
Думая только о своей идеальной любви.
Она взлетела высоко, но низко упала.
Греби, команда, греби.
С севера на юг летела она в штормах.
Греби, команда, греби.
С востока на запад летела она.
Греби, команда, греби.
И всегда думала о доме, хей!
Она всегда думала о доме.*

Из «Черного пирата» – традиционная баллада

Когда рыбачка закончила свой рассказ, все надолго застыли, не в силах говорить. Они смотрели, как слезы текут по ее морщинистому лицу. Миас открыла рот, откашлялась и опустилась на одно колено перед рыбачкой.

– Мать и Дева увидят твою службу, Фасни, они знают, что она была великой. Не брани себя за страх. Иногда он наделяет нас хитростью, верно? – Она положила руку на плечо рыбачки. – Теперь я попрошу тебя о последнем одолжении, но ты не обязана соглашаться, и я не стану думать о тебе хуже, если ты откажешься.

– Я сделаю все, что потребуется, супруга корабля, – тихо ответила Фасни. – Вам нужно лишь отдать мне приказ.

Миас кивнула, но продолжала смотреть в белый пол большой каюты. Когда она наконец подняла взгляд, Джорону показалось, что ей мешает сильный встречный ветер.

– Тебе известен остров Фолсхьюм? – Рыбачка кивнула. – Там находится сигнальный флаг. Я напишу письмо, ты доставишь его в Фолсхьюм и поднимешь флаг до середины мачты. В двух сотнях шагов от флага в сторону Северного шторма ты найдешь круг из больших камней, которые там поставлены во времена Птицы Бурь. Встань лицом к самому большому. Справа будет скала, и у ее основания лежит маленький камень, почти идеально круглый. Положи послание под него.

– Я все сделаю, – сказала Фасни.

– Меванс! – крикнула супруга корабля, и стюард тут же появился. – Проводи рыбачку, дай ей все, что потребуется. Она оказала нам очень серьезную услугу. А потом пришли сюда Эйлерина. – Миас сжала плечо Фасни и сдвинулась в сторону, чтобы та могла уйти.

Как только она ушла, они встали вокруг стола: Джорон был потрясен рассказом, Брекир и ее хранитель палубы погрузились в глубокие размышления, и все ждали, что скажет Миас – но она молчала до тех пор, пока не появился курсер.

– Эйлерин, проложи курс для супруги корабля Брекир, – сказала она, – покажи ей путь на Листхэйвен. – Курсер кивнул и вышел из каюты.

– Что ты намерена делать? – спросила Брекир.

– Послание рыбачки предупредит наши корабли, что нас обнаружили, даст им новое место встречи или позволит оставить ответное послание. В Листхэйвене, Брекир, ты найдешь то, что осталось от нашего маленького флота, который сейчас стоит на приколе.

Глаза Брекир широко раскрылись.

– Листхэйвен? У нас есть еще один порт? – спросила она. – Ты решила, что я недостойна это знать, Миас?

– Это тайна, которую мы с Аррином скрывали от всех. Чем меньше людей знает, тем больше шансов ее сохранить. Но тебе я доверяю безоговорочно с тех пор, как мы вместе летали вслед за аракесианом, Брекир, и тебе это прекрасно известно. – Брекир пожала плечами и села. – Порт невелик, ничего впечатляющего. Большая часть нашего флота в море, демонстрируют ложную верность Ста островам или Суровым островам. В Листхэйвене находятся главным образом переделанные корабли из коричневых костей и пара двухреберных, которым требуется ремонт. Я хочу попросить тебя привести все, что осталось от нашего флота, в Листхэйвен. Эйлерин найдет подходящее место неподалеку, где мы сможем встретиться, не привлекая внимания. Мы отомстим за гибель отважного Аррина.

Казалось, призрак Аррина на несколько мгновений появился в каюте, и скорбь о погибшем друге заставила всех немного помолчать.

– Сможем ли мы сражаться с четырьмя костяными кораблями, Миас, если у нас есть пара суденышек из коричневых костей и битые двухреберные? – спросила Брекир.

– Нет. – Миас покачала головой. – Мы не сможем. Но остров захвачен, и я полагаю, что там больше не будет четырех костяных кораблей. Не более двух, чтобы удерживать над ним контроль и ловить тех, кто появится, – во всяком случае, я оставила бы именно два корабля. А если мы появимся с целым флотом, они даже могут сдать без боя.

Не приходилось сомневаться, что Брекир, Вулс и Джорон знали, что такое едва ли вероятно, но не стали возражать – Миас уже сказала свое слово, а она являлась командующей.

Брекир встала.

– Я приведу твой флот, мать-командер, – сказала она.

Уважение заставило Брекир повысить чин Миас, хотя Джорон прекрасно понимал, что это лишь новое бремя, которое ляжет на ее плечи.

– Я только лишь супруга корабля, Брекир.

Брекир кивнула.

– С тех пор как я в первый раз услышала рассказ Фасни, я спрашивала себя, почему они атаковали Безопасную гавань именно сейчас, Миас? – сказала она. – Ты уже говорила раньше, что твоя мать знает о существовании Безопасной гавани, так почему она сделала свой ход только в этот момент?

– Потому что вернулись кейшаны, – ответила Миас, и Брекир вопросительно приподняла бровь. – Моя мать совсем не глупа, она знает, что без аракесианов, которые снабжали бы всех новыми костями, век костяных кораблей закончится. Войну придется остановить, нужно будет искать новые пути. Я полагаю, она считала существование Безопасной гавани экспериментом и в свое время признала бы ее и взяла под свое начало. Или могла выдвинуть ряд условий, в том числе мою голову, когда поняла бы все окончательно. – Миас взяла чашку со стола, но тут же поставила обратно. – Однако с возвращением аракесианов возобновляется война, а в ней моя мать прекрасно разбирается. Война означает, что она сможет усилить свою хватку на Ста островах так, что ее уже никогда не удастся ослабить. Она станет первым дарном новой эры кейшанов – ей такое очень понравится.

– Миас, – сказала Брекир, – прости меня, но я должна задать этот вопрос. – Миас подняла голову, чтобы встретить печальный взгляд Брекир. – Ты посылаешь нас в Безопасную гавань ради наших людей или назло матери?

Наступило новое долгое молчание, казалось, даже шум детей палубы смолк, а «Дитя приливов» перестал раскачиваться на волнах беспокойного моря. Одиноким луч Глаза Скирит выхватил плясавшие пылинки.

– Если честно, Брекир, – ответила Миас, – я и сама не знаю.

Брекир кивнула.

– Ладно, – сказала она. – Это честный ответ, я не могла бы просить о большем. Пойдем, Вулс, нам предстоит путешествие, и нельзя терять времени.

Когда они ушли и Джорон услышал свистки и крики – они прощались с «Дитя приливов», Миас встала.

– Скажи мне, о чем ты думаешь, хранитель палубы, – попросила она.

Он подождал секунду, прежде чем ответить, размышляя о том, как сформулировать свои мысли, чтобы в них не прозвучало ненужной грубости.

– Аррин отдал свою жизнь, чтобы мы держались подальше от Безопасной гавани, – наконец заговорил Джорон. – Но мы спешим туда вернуться, – сказал он. Миас кивнула. – Я лишь думаю, что «Дитя приливов» – наш самый сильный корабль. Мы рискуем его потерять, и это превратит беду в катастрофу.

Миас постучала пальцем по письменному столу, потом обошла его и села.

– Восемь лет, Джорон. Столько времени Индил Каррад и я строили Безопасную гавань. Переправляли туда женщин и мужчин, которые хотели сбежать от дарнов, с обеих сторон воюющих государств. Восемь лет, Джорон. А за мир мы начали бороться еще раньше.

– Но мы до сих пор существуем, даже и без Безопасной гавани, – заметил Джорон. – Так стоит ли рисковать потерей самого большого корабля, чтобы вернуть город, который мы не сможем удерживать? Ты ведь понимаешь, что мы не сможем – как только твоя мать узнает, что он снова наш, она пришлет новые корабли. Она не позволит тебе победить. Возвращение в Безопасную гавань может означать утрату последних шансов на то, что мы однажды отстроим все в другом месте.

Миас откинулась на спинку стула, посмотрела на него и потянулась.

– Любой, кто услышал бы наш разговор, посчитал бы, что ты супруг корабля, а не я, хранитель палубы. – После ее слов Джорон съезжился, внешняя уверенность офицера исчезла, и он снова превратился в нерешительного мальчишку-рыбака.

– Я... не...

Но Миас никак не показала, что видит его сомнения, на ее лице появилась широкая улыбка, пусть и холодная, и Джорон понял, что ей известно то, о чем он понятия не имеет.

– Ты достоин меча, который я тебе подарила, Джорон. – И он почувствовал, как у него внутри возникло теплое сияние. Джорон коснулся рукояти меча, висевшего на бедре. – И ты наконец задал мне правильный вопрос. – Ее лицо снова стало жестким. – Именно здесь, когда рядом нет команды. Твоя задача состоит в том, чтобы заставлять меня думать. А теперь скажи мне, что тебе показалось странным в рассказе рыбаки?

– Ты думаешь, она солгала? – спросил Джорон.

Миас покачала головой.

– Нет, определенно нет.

– Тогда ничего странного, супруга корабля, только ужасное. И печальное, да – печальное и ужасное.

– Да, тут не поспоришь, – сказала она. – Но тебе не показалось странным, что супруг корабля Барнт не потребовал выдать меня?

– Ты нигде не сходишь на берег, что удивительного в том, что они не ждали, что ты там будешь? – спросил Джорон.

– Но я легко узнаваема, Джорон, как и мой корабль. – Она указала рукой на костяные стены вокруг. – И в Безопасной гавани имелись шпионы, вот почему Аррин и супруги корабля с Суровых островов им управляли. Но то, что нападавшие не задавали вопросов обо мне, заставляет меня заподозрить, что моя мать не уверена в моей причастности, – в противном случае она потребовала бы, чтобы меня схватили. – Миас задумчиво постучала пальцем по столу. – Получается, что ее вполне устроило уничтожение Безопасной гавани. – Она наклони-

лась вперед и улыбнулась. – Мы возвращаемся не для мести, хотя я позволила Брекир думать, что дело в ней, и я не стану пытаться заново заселить Безопасную гавань.

– Тогда зачем мы туда направляемся? – спросил Джорон.

– Наши люди, Джорон, в нас нуждаются. – Она посмотрела на него с потемневшим от тревоги лицом. На ее плечах лежало новое бремя ответственности. – У них есть коричневые кости, как у большого торговца, который мы тащим на буксире, Джорон, и Фасни сказала, что они сильно нагружены. Подумай о том, что мы обнаружили на этом корабле.

– Но они больные, сломленные и бесполезные люди. А народ в Безопасной гавани здоровый, они...

– Предатели, Джорон. Вот кто они такие для моей матери. Они предатели, и я не верю, что у них будет другая жизнь, более того, они не могут рассчитывать даже на быструю смерть. Я отправляюсь в Безопасную гавань, чтобы вывезти оттуда уцелевших людей. И я не позволю, чтобы они страдали, как те, кого мы нашли на «Сокровищах девы».

– А если их там уже нет? – спросил Джорон.

Миас отвернулась.

– Я намерена отыскать корабль из коричневых костей, который увез наших людей, – продолжала она, словно Джорон ничего не говорил. – А после того как мы спасем тех, кто остался в Безопасной гавани, мы отправимся в Бернсхьюм и выясним, куда их везли и зачем.

– Но мы не можем рисковать заходом в Бернсхьюм, супруга корабля. Твоя мать...

– Как я уже сказала, я не думаю, что она знает обо мне, Джорон. А теперь мы берем курс на Безопасную гавань, и я надеюсь, что Эйлерину приснятся хорошие ветры и мы быстро там окажемся.

На палубе «Дитя приливов» стоял невероятный шум. Ветрогон выбрался из гнезда и делал свой диковинный обход, поглядывая на детей палубы, занятых работой, – совал клюв туда, где его появление терпели, шипел и ругался на тех, кому не доверял или невзлюбил. Однако шум вызвало не его появление; корабль уже успел привыкнуть к выходкам ветрогона. Дело было во внимании, которое ветрогон уделял лишенным ветра.

Миас, как всегда верная своему слову, взяла нескольких из них на работу. Она знала, что ветрогоны обладают немалой ловкостью, поэтому усадила их чинить сети и крылья корабля, и теперь собственный ветрогон «Дитя приливов» демонстрировал неудовольствие, он шипел на стаю лишенных ветра, когда проходил мимо, заставляя их прятаться. Если кто-то поворачивался к нему спиной, он клевал его, заставляя лишенных ветра вскрикивать от боли. В ответ ветрогон открывал клюв и начинал почти по-человечески смеяться – получалось жутковато и фальшиво.

За ветрогоном следовал лишенный ветра, поклявшийся его охранять, он старался держаться незаметно, словно рассчитывал, что стал невидимкой. Но потом он делал несколько шагов вперед, и тогда ветрогон, словно он обладал шестым чувством, резко оборачивался.

– Не хотеть! Не хотеть! – кричал ветрогон.

Лишенный ветра реагировал моментально, отпрыгивал назад, чтобы оказаться вне досягаемости острого клюва, крылья под одеяниями разворачивались, а корабельный ветрогон продолжал верещать и ругаться настолько изобретательно, что сразу становилось ясно – он набрался самых разных слов у детей палубы. Лишенный ветра съеживался перед его агрессией, пока ветрогому это не надоедало, и он снова принимался мучить других лишенных ветра на палубе.

Джорон не собирался такое терпеть.

– Ветрогон, – позвал он, – пойдем со мной на корму.

Ветрогон повернулся к Джорону, склонил голову, зашипел, а потом прыжками последовал за ним.

– Что хочешь? – спросил ветрогон.

– Ты ведешь себя не так, как положено офицеру, ветрогон.

Тот посмотрел на него, обратив нарисованные глаза на лицо Джорона.

– Офицеру, – сказал ветрогон.

– Да. У супруги корабля Миас имеются определенные ожидания.

– Плохая супруга корабля, – прокричал ветрогон.

– Ты хочешь сам ей это сказать? Детей палубы за такое наказывают веревкой.

Ветрогон заворковал, наклонил голову и принялся чистить длинные перья, которые росли вокруг когтя на локте крыла, остальные прятались под одеяниями.

– Ветрогон нужен супруге корабля. Не может дать ему вред, – заявил он.

– Но она может сделать твою жизнь куда менее приятной, – прошептал Джорон. – У тебя больше не будет красивых камушков и мягких веревок. И чистой одежды.

– Предатели, – прошипел он. – Предатели умирают.

Джорон наклонился ближе и ощутил, как его окружает аромат песка и жаркий запах ветрогона, что неизменно сбивало его с толку и мешало думать.

– Те, кто попадает на борт этого корабля, ветрогон, – преступники, их все ненавидят, они потеряны для другой жизни. Миас говорит, что «Дитя приливов» – это новое начало для них.

– Ненавижу их, – заявил ветрогон.

– Как ты прежде ненавидел меня, – заметил Джорон.

Ветрогон отступил на шаг. Его клюв открылся и снова закрылся.

– Тебе нет нужды их любить, – продолжал Джорон. – Однако ты должен относиться к ним как офицер корабля.

Кривой и острый клюв открылся и снова закрылся. Говорящий-с-ветром зашипел, затем склонил голову набок, на место агрессии пришло любопытство.

– Офицер ветрогон?

– Полагаю, да, – ответил Джорон, не до конца понимая, что обещал.

– Давать блестящий значок? Краску для перьев?

– Я уверен, что это можно организовать, – сказал Джорон.

Ветрогон испустил пронзительный крик восторга и сделал полный оборот вокруг своей оси.

– Офицер ветрогон! – Джорон услышал смехок за спиной и повернулся, чтобы посмотреть на знакомое лицо.

Его тень, Анзир, стояла у руля, она часто там оказывалась, когда Джорона не требовалось защищать. Она ему улыбнулась.

– Это может привести к проблемам, хранитель палубы, – сказала она.

Джорон кивнул и повернулся, чтобы крикнуть вслед ветрогону.

– Офицер только для твоих соплеменников, – добавил он, – но не для всего корабля.

Но танец говорящего-с-ветром не прекращался – ветрогон нашел повод для радости и не собирался от него отказываться, он вертелся, кружился, подпрыгивал и приседал на палубе «Дитя приливов», пока они вставали на курс, ведущий к Безопасной гавани. Ведущий к войне. К смерти.

9

Домой, к большому горю

Они находились в пути уже двадцать дней, ритм моря соответствовал ритму корабля. Постоянная смена направления движения воды и команды способствовала утрате чувства времени – ведь каждый следующий день на борту ничем не отличался от предыдущего: подъем, еда, работа, еда, работа, еда, сон, так все и шло по кругу. Иногда полет был легким, попутные ветра толкали их через волны, а иногда приходилось прикладывать мучительные усилия, чтобы менять галсы и двигаться вперед широкими зигзагами, лишь незначительно приближаясь к цели. И их работа только усложнялась из-за большого корабля из коричневых костей, который они тащили за собой на буксире. Однажды Джорон спросил, почему они не отправили его с Брекир, и Миас в ответ лишь пожала плечами.

Единственное исключение в рутине корабельной жизни составлял мендей, когда Миас читала закон дарнов, а потом вся команда сидела на палубе и чинила одежду и снаряжение. Дети палубы приносили с собой игры, резались в карты, и офицеры смотрели в другую сторону до тех пор, пока не возникали конфликты. Мирные игры проходили на досках, начерченных на сланце палубы, – однако даже в этот приятный день кораблем следовало управлять, мыть палубы, следить за протечками; работа никогда не заканчивалась. Иногда Джорон ловил себя на том, что он следит, как курсер Эйлерин измеряет угол наклона Глаза Скирит, слушает песнь шторма и входит в контакт с облаками. И ему становилось завидно: курсер вел более легкую жизнь.

В течение всего этого времени Миас оставалась в одиночестве. Она стояла на корме и отдавала короткие приказы, глядя куда-то за горизонт. Прежде он бы посчитал подобное поведение обидным или начал бы тревожиться из-за ее неудовольствия, но теперь он знал, что таков ее характер. Управление кораблем, исполнение каждодневных обязанностей – за это отвечали он и Динил, и, хотя мужчины плохо относились друг к другу, они аккуратно делали записи в журнале и обменивались нужной информацией – хотя Джорону не удавалось выдерживать укоризненный взгляд Динила или забыть, что его неразборчивый почерк стал таковым после того, как Джорон отрубил ему правую руку.

В эти недели Миас больше всего беседовала с курсером, очевидно, он пользовался ее доверием, впрочем, Джорон по-прежнему чувствовал себя неловко рядом с ним; тот никогда не смотрел в его сторону, а Джорон никогда не задерживался, чтобы стать участником разговора, к тому же курсер неизменно уходил в каюту Миас, где прятался от всех. Джорон понимал, что из всей команды он хуже всего знает курсера, однако, следовало признать, что он менее всего старался его понять.

Пару раз, утром, Серьезный Муффаз устраивал показательные наказания веревкой для особенно непокорных детей палубы, главным образом новых членов команды, которые перешли с «Сокровищ девы». Однажды Спракин, который осмелел из-за недостаточной строгости Джорона, дал неуважительный ответ и получил десять ударов веревки. Наказание осуществляла Анзир, а Серьезный Муффаз одобрительно наблюдал. Спракин обещал отомстить после каждого удара, но Джорон не обращал на него внимания. Спракин распускал язык, проклиная Джорона, а тот думал о том, что будет, когда он однажды потеряет свою тень. Джорон видел, что Серьезный Муффаз готовит Анзир к тому, чтобы она заняла его место, если с ним что-то случится. Джорон это одобрял, он считал, что из Анзир получится превосходная мать палубы, быть может, когда у него будет собственный корабль.

Все это была обычная жизнь на корабле флота, и путешествие «Дитя приливов» прошло без особых происшествий – однако как только он прибудет к цели, их ждут самые серьезные проблемы.

Джорон не знал, как Миас выбирала место для сброса стоп-камней и свертывания крыльев «Дитя приливов». Будучи хранителем палубы, он управлял кораблем – периодически Миас просила его помочь с решением навигационных задач, он хорошо считал и обладал обостренными инстинктами – во всяком случае, так она говорила, но на сей раз нужды в этом не возникало, и, когда она отдавала приказы, для него они были столь же неожиданными, как и для детей палубы.

– Ну теперь все начнется, хранитель палубы, – сказала Фарис, и на ее обожженном лице появилась улыбка, когда она складывала большой дуголок, который успела с любовью отполировать. – Скоро мы отомстим проклятым Старухой душам за Аррина, верно?

– Да, Фарис, – сказал Джорон, он гордился собой, что его голос не дрогнул, когда он подумал о предстоящем им испытании. – Теперь начинается наша работа, но мы должны подождать, чтобы супруга корабля нам рассказала, в чем она будет состоять и как ее следует сделать.

Он закрыл глаза и постарался отбросить мысли о будущем сражении. И вновь мысленно увидел момент, когда сильное тело его отца было раздавлено корпусами двух крупных кораблей – постоянное напоминание о том, что сила не имеет значения на Ста островах и Старуха получает все, что захочет. Он попытался не дрожать, заставить себя привыкнуть к неотвратимости смерти, стиснул пальцы на рукояти меча, подаренного Миас, но все же ему не удалось полностью скрыть дрожь.

– В трюме есть куртки с мехом кивелли, хранитель палубы, – сказала Фарис. – Я спрятала несколько штук там, где они будут оставаться сухими, – могу принести тебе одну, если ты замерз.

Он покачал головой и улыбнулся Фарис.

– То был лишь случайный взгляд Старухи, ничего больше, Фарис, – сказал он.

Она коротко кивнула и сотворила знак защиты у себя на груди.

– О, хранитель палубы. – Джорон повернулся и увидел Гавита, мальчика из каюты Миас, которого удивила встреча с ним.

Впрочем, теперь его уже нельзя было назвать мальчиком.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь, Гавит? – спросил Джорон.

– Нет, я... – Он выглядел таким ошеломленным, что Джорону захотелось засмеяться – он прекрасно понимал, что такое смущение в присутствии офицера, хотя ему казалось, что Гавит уже сумел его преодолеть.

Может быть, мальчишку все еще мучило, что он едва не потерял руку, когда они спасали «Сокровища девы».

– Я уже ухожу, Гавит. Я попрошу Фарис, чтобы она нашла для тебя занятие.

– Хранитель палубы, – слышался зов Миас, – в мою каюту. Я буду говорить.

Он отправился на ее голос, который звучал со стороны холодного сияния на палубе, а также с нижних палуб, на которых всегда пахло сыростью, и далее к ее большой каюте, где задние окна «Дитя приливов» показывали бесконечно менявшееся море и вновь заливали мир светом.

Как только Джорон закрыл за собой дверь каюты, Миас начала говорить.

– Я должна встретиться с Брекир и кораблями, которые у нее есть, мне необходимо знать, что ждет нас у Безопасной гавани. Я не в состоянии сама решить обе проблемы. – Она говорила так, словно подвела его своей неспособностью находиться в двух местах одновременно.

– Конечно, супруга корабля, – сказал он.

Миас провела рукой по поверхности письменного стола.

– Ты возьмешь крылофлюк, вымажешься грязью, чтобы выглядеть как торговец, и отправишься на разведку.

– Отправлюсь прямо в гавань? – уточнил Джорон.

Она покачала головой.

– Нет, я не думаю, что это разумно, – сказала она. – Подойди максимально близко, чтобы разглядеть, что там происходит. – Она вытащила из куртки подзорную трубу и положила на письменный стол рядом с ним. – Посмотри, что нас ждет, и возвращайся. Возьми с собой Эйлерина.

– Курсера? – удивился Джорон.

– Верно, я хочу знать, как будет дуть ветер возле Безопасной гавани – чем ближе ты сможешь подобраться с ним, тем лучше будут его сны. – Она постучала по подзорной трубе. – И возьми с собой Квелл.

– Квелл? – удивился Джорон.

– Я знаю, что вы друг друга не любите, но ты ее офицер, и она будет тебе подчиняться. И подбери в экипаж самых надежных людей – Фарис, Анзир и таких, как они.

– Но зачем брать с собой Квелл, супруга корабля?

– Чтобы разглядеть гавань, потребуется подойти к ней как можно ближе, но тогда вас могут заметить. Если вас перехватят, попытайтесь выдать себя за торговцев. Квелл знает их жаргон, она выросла в торговых доках Бернхьюма, и если у кого-то из нас есть шанс прикинуться купцом, то выше всего он у Квелл.

– Если она нас не предаст, – сказал Джорон.

– Да, мы рискуем, тут нет сомнений. Тебе придется позаботиться, чтобы этого не случилось, – ответила Миас. Она убрала руку от подзорной трубы и потянулась в стол, чтобы достать одну из многочисленных книг.

– Супруга корабля, – сказал Джорон, взяв подзорную трубу, и она посмотрела на него, приподняв бровь. – Если за нами будет погоня, ветрогон послужит мне лучше, чем Квелл. Он даст ветер, и я смогу уйти от любого преследователя.

– Скажи мне, Джорон, – ответила Миас, – сколько крылофлюков ты знаешь, где есть ветрогон на борту?

Он подождал, словно искал ответ, который был очевиден.

– Ни одного, и если они заметят ветрогона, то сразу заподозрят неладное.

– Да, Джорон, да, – сказала она и открыла книгу. – Ты свободен. – Он собрался выйти, и Миас добавила: – А в будущем старайся не задавать вопросов, ответы на которые тебе известны.

10

То, что подарено, может быть легко потеряно

Темная лодка направлялась к Безопасной гавани от «Дитя приливов», с оснасткой как у торговца, а не флюк-лодки корабля флота. И, хотя Джорон избавился от своей одежды и шляпы офицера, он взял меч, который ему подарила Миас после того, как они освободили аракесиана. Он настолько привык к этому куску стали, доказавшему Удачливой Миас, на что он способен, и, хотя чувствовал, что сейчас он ему не нужен, Джорон взял клинок с собой. В особенности с учетом того, что Квелл была на борту.

У руля сидела его тень, Анзир, Фарис находилась в маленькой каюте на корме лодки, сортировала веревки, а Квелл – несчастная, недовольная и ожесточенная Квелл – бросала на Джорона мрачные взгляды со своего места, отрезая кусочки фрукта одной рукой. Кроме того, в команду входили Тарин и Восар, два морских стража, и, хотя они не были людьми моря, оба провели на борту «Дитя приливов» достаточно времени, чтобы уметь работать со снастями и крыльями и выполнять приказы. Квелл надела куртку мастера торговца из птичьей кожи – впрочем, она не пыталась его изображать перед Джороном и командой, как сделал бы любой мастер.

Вокруг расстиралось вечное серое море, его неумолчные волны покачивали маленькую лодку, крылья наполнял сильный ветер, небо оставалось голубым, как и было обещано.

Лишь Квелл продолжала бросать на всех злобные взгляды.

Джорон измерил тень солнца, чтобы определить место, где они находятся. Пока Эйлерин проверял их путь по карте, Квелл метала недовольные взгляды, Анзир налегала на руль, Фарис натягивала веревки. Квелл мрачнела.

«Ты меня ненавидишь, – думал Джорон. – Когда-то ты считала меня пустым местом, занявшим более высокое положение, и ненавидела меня за это».

Быть может, Миас отправила их вместе, рассчитывая, что Джорон отыщет способ найти с ней что-то общее, как ему удалось с ветрогоном и большей частью команды, но он знал, что этого не будет. Ненависть Квелл оставалась неизменной – она ненавидела офицеров, ненавидела, что ее отправили на черный корабль, но более всего ненавидела Джорона, и он знал причину. Почему он стал офицером и командовал ею? Сын рыбака, он даже не проходил подготовку в Великих Жилищах в Бернхьюме, а она была родственницей Каханни, преступного лорда Бернхьюма.

Но Джорон ничего не мог поделать с ее мыслями, поэтому на долгие часы погрузился в работу с веревками и узлами.

– Хранитель палубы. – Он обернулся и увидел Эйлера, который оказался рядом с ним, и ветер хватал его за белые одеяния. – В течение ближайшего часа мы увидим Безопасную гавань. – Джорона вновь поразила неподвижность курсера, когда он стоял, спрятав руки в рукавах своего одеяния, несмотря на то что лодка продолжала раскачиваться.

– Благодарю, курсер, – сказал Джорон, – а сколько времени пройдет до того, как они нас увидят?

– Примерно половина этого времени. Все зависит от того, есть ли у них дозорный на башне, установленной в верхней точке острова, – ответил курсер.

Джорон кивнул, он и сам не понимал, почему захотел узнать ответ. Его губы зашевелились, будто сами собой, и он произнес эти слова, потому что считал, что офицер должен их произнести.

– Дым, – сказала Фарис, указывая на юг. – Складывается впечатление, что Безопасная гавань все еще горит, хранитель палубы.

– Да, – сказал он, поднося к глазам подозрную трубу.

Джорон ничего не видел, кроме жирной колонны дыма, медленно колебавшейся на ветру. Он аккуратно убрал подозрную трубу под куртку, заметив, что у него дрожит рука. Но вовсе не колонна дыма вызвала у него страх. Он понимал, что, если Безопасная гавань отправит корабль с ветрогоном на борту, они обречены. Ветер был добр к ним, когда они летели к своей цели, но чтобы вернуться на «Дитя приливов», им придется идти против ветра, а это означало, что постоянно придется менять галсы, затрачивая очень много усилий. И все время делать зигзаги, необходимые, чтобы двигаться в нужном направлении.

У корабля с ветрогоном таких проблем не возникнет, он легко их перехватит, и тогда его жизнь и всех остальных будет в руках Квелл. Джорон даже не сможет показать своего лица, ему придется прятаться в маленьком трюме или в каюте на корме. Вероятность того, что кто-то его узнает, была невелика, однако он сходил на берег в Бернхьюме много раз, решал самые разные вопросы, связанные с ремонтом «Дитя приливов», и не мог исключать полностью, что кто-то его вспомнит, – получалось, будет лучше, если его никто не увидит.

Ему ничего не оставалось, как поверить, что Квелл их не предаст, – а с другой стороны, какие у нее причины хранить верность? Она представляла собой кипящий котел ненависти ко всем окружающим – за исключением своей маленькой группы и Динила.

Но Миас это знала.

Должна была знать.

Ветер нес крылофлюк вперед, и Джорон позволил себе немного отвлечься. Маленькое суденышко так сильно походило на лодку, которой владел его отец, что ему следовало дать ей имя. Но не в честь той лодки, что могло отвратить удачу. Может быть, попросить Фарис его придумать; у нее талант на подобные вещи.

– Хей, хранитель палубы, земля уже должна появиться, – сказал Эйлерин, и Джорон кивнул.

– Тебе лучше спрятаться, курсер, – сказал Джорон, – курсер на борту сразу покажет, что мы богатые торговцы, а нам лучше не привлекать внимания.

Джорон взобрался вверх по короткой мачте, которая опасно раскачивалась, в отличие от мощных мачт «Дитя приливов», поднес подозрную трубу к глазам, горизонт прыгнул к нему и задрожал, пока Джорон не нашел более удобного места, уловил ритм движения моря и сумел сфокусировать трубу на Безопасной гавани.

Бедная Безопасная гавань. Там больше не осталось улиц, домов, вариска или земли, круглых зданий, где располагались правители острова. Все было уничтожено или осталось недостроенным, за исключением самого первого и большого здания. Джорон много где побывал, но Безопасная гавань стала первым местом, где он после смерти отца впервые почувствовал, что у него есть дом. Миас посылала его на берег, чтобы он выполнял поручения, для которых нужен офицер, и его визиты привели к тому, что он полюбил остров. Город до сих пор тлел, и это было ужасно, ведь прошло уже немало времени с тех пор, как его захватили.

«Интересно, – подумал он, – сознательно ли так сделано – возможно, они полили все вокруг слюной старухи, и тогда остров будет тлеть очень долго, а вся жизнь на земле и под землей будет уничтожена». Джорон видел двигавшихся людей – что-то еще он рассмотреть не смог с такого большого расстояния, – они казались невероятно маленькими, но Джорон решил, что это не дети палубы, ведь у тех особая походка, их тела привыкли к корабельной качке, но эти люди ходили иначе. Они носили бочки, и он разглядел двух человек, которые опрокинули бочку и вылили содержимое на землю, а потом мужчину – он определенно был офицером; тот поднес к земле пылающий факел, и еще один участок земли охватил огонь.

– Они делают все, чтобы остров было невозможно использовать снова. – Джорон обнаружил, что произнес эти слова вслух.

Джорон замолчал, сказав себе, что он здесь совсем с другой целью. Ему не следовало оценивать тяжелое положение тех, кто все еще оставался на острове, или уничтожение города и страдать из-за его потери. Они примчались сюда, выяснить число врагов и их позиции, чтобы супруга корабля придумала план. Он направил подзорную трубу на гавань.

Костяные корабли – четырехреберный у причала и пара двухреберных. Один уже выходил в море, женщины и мужчины лазали по такелажу, крылья хлопали и наполнялись ветром, который дул так, что стал виден широко раскрытый глаз, нарисованный на одном из них. За кораблем Джорон увидел крылофлюки, похожие на его лодку, два из которых готовились следовать за костяным кораблем. Он быстро сосчитал все, что имелось в гавани, в том числе тех, кто выходил из бухты. Три костяных корабля, восемь крылофлюков. Довольно серьезная сила, более значительная, чем требовалось для удержания Безопасной гавани.

Джорон в последний раз быстро окинул все взглядом, отметил, что башни, стоявшие на концах пирса, сожжены, вероятно, защитниками острова, когда они поняли, что проиграли, заметил, что Безопасную гавань продолжают защищать корабли в гавани, дуга острова прикрывала их, как юбка, длинные каменные пирсы были готовы проломить корпуса неуклюжих кораблей. Затем он спрятал подзорную трубу в куртку и спустился вниз.

– Фарис! – крикнул Джорон. – Они нас увидели. Мы поворачиваем, нам нужно выжать максимальную скорость.

– Мы сможем убежать от них, хранитель палубы? – спросил Восар.

– Только если ветер переменится... – Он посмотрел в сторону каюты, где в тени спрятались Эйлерин, и увидел, как медленно колыхнется капюшон курсера, качавшего головой. – Но это маловероятно. Нам остается надеяться, что они не станут максимально напрягать своего ветрогона и не догонят нас до наступления ночи. Тогда мы сможем потушить тусклосветы и сбежать под покровом темноты.

– А если все пойдет по-другому, хранитель палубы? – спросила Фарис.

– В таком случае нам останется рассчитывать на то, что язык Квелл окажется достаточно быстрым, – сказала Квелл, которая сидела на носу лодки, прищутив ледяные голубые глаза, – слишком ярко светил Глаз Скирит, отражавшийся от воды миллионами ярких сполохов.

Она отрезала еще кусочек сушеного фрукта и положила в рот.

И тут началась настоящая работа. Крылья были зарифлены, веревки туго натянуты, маленький крыло-флюк развернулся и помчался по беспокойному морю, но его скорость являлась иллюзией, ведь ему приходилось двигаться вперед зигзагами, и это получалось мучительно медленно. Им приходилось постоянно менять положение парусов и работать рулевым веслом. Джорон выкрикивал приказы.

– Крен! – Лодка начала поворот, палуба опасно наклонилась.

– Берегите головы, приближается гик. – Ветер подхватил крыло, и подвижная часть рангоута вместе с гиком стала перемещаться над палубой, готовая в любой момент ударить зазевавшегося дитя палубы.

В те моменты, когда он не тянул веревки или не наклонялся в сторону, чтобы не дать лодке перевернуться, Джорон вытаскивал подзорную трубу и изучал горизонт.

Сначала море оставалось чистым, лишь над Безопасной гаванью поднимался дым.

Зигзагообразное движение вперед продолжалось, все руки тянули веревки.

И они повернули лодку.

– Крен! Берегите головы!

Когда Джорон снова достал подзорную трубу, он увидел точку на горизонте – ничто для тех, кто не смотрел внимательно. Возможно, морская птица. Но Джорон искал именно такие точки и сразу понял, что видит верхушку мачты костяного корабля, на которой сидел наблюдатель, Джорон не сомневался, что не ошибся. Обе руки на веревках.

– Крен! Берегите головы!

Точка увеличилась, и уже не требовалась подзорная труба, чтобы ее увидеть. Белая вспышка над серой водой. Все крылья из вариска, даже боковые, подняты для максимальной скорости. Красивое зрелище, но Джорону оно не казалось привлекательным – ведь он знал, что корабль несется за ними.

Обе руки на веревках.

И они повернули лодку.

– Крен! Берегите головы!

В подзорную трубу он уже видел команду, метавшуюся по такелажу, проверявшую веревки. Они натягивали их в тех случаях, когда требовалось, или отпускали, если возникала необходимость. Супруга корабля стояла на носу и наблюдала. Чуть дальше приготовились к стрельбе две команды дуголуков. За ними на палубе замер курсер, а перед главной мачтой устроился ветрогон, который, опустив голову, призывал нужный им ветер.

Обе руки на веревках.

И они повернули лодку.

– Крен! Берегите головы!

Появилось ли в его словах отчаяние? Была ли тревога в грязных пальцах, когда они затягивали узлы? Возникло ли отчаяние в темных глазах Анзир, когда она налегала на рулевое весло? Нет, во всяком случае, он не заметил. Если у команды такое же настроение, как у него, если их сердца трепетали в груди, они этого не показывали.

Значит, и он не покажет.

Или Джорон лишь надеялся, что все именно так.

Все руки на веревках.

И они повернули лодку.

– Крен! Берегите головы!

Никакого спасения, никаких шансов не остается. Костяной корабль сокращал расстояние с ними, не особенно напрягаясь; крылья легко принимали ветер, а супруга корабля явно пришла к выводу, что неспешное преследование позволит им догнать жертву до наступления темноты. Джорон знал, что она права, – вот если бы Старуха послала туман над морем, но Старуха редко слушает отчаявшихся детей палубы, в противном случае она потерпела бы поражение, ведь в мире не существует более опасного места, чем море.

Усталые руки на веревках.

И они повернули лодку.

– Крен! Берегите головы!

– Останавливаемся! – сказал Джорон. – Нам от них не убежать.

Он смотрел на приближавшийся корабль, который становился все больше, клюв черепа аракесиана на носу, пустые глазницы направлены на них. Эта голова была намного меньше черепа кейшана, который защищал «Дитя приливов», – тот станет основой для целого корабля, а теперь вернулись и другие аракесианы. Все, что им удалось сделать, все их жертвы и ужас – все оказалось напрасно. Война никогда не закончится.

С замершим сердцем Джорон помогал спускать крылья, а потом сбрасывать за борт стоп-камни, затем он повернулся к Квелл и заставил себя с ней заговорить.

– Я останусь в каюте, пока ты беседуешь с супругой корабля. Мой арбалет будет направлен на тебя, Квелл, – сказал Джорон, – и, если у меня возникнет подозрение, что ты намерена нас предать, ты умрешь первой, ты поняла?

Квелл смотрела на него прищурившись, словно от него исходил слишком яркий свет.

– Да, супруг корабля, – сказала она, и на ее губах появилась усмешка.

– Я хранитель палубы, – поправил Джорон.

– Вот как, – ответила Квелл. – Что ж, так тому и быть, я забыла, такое со мной бывает. Я часто вспоминаю счастливые дни, когда ты был супругом корабля.

Следует отдать должное Джорону, он не покраснел и не потерял самообладание, когда она попыталась напомнить ему о времени, когда он был лишь жалким подобием человека.

– Не забудь, что я сказал, Квелл. – Он показал ей маленький арбалет. – Постарайся вытащить нас из этой истории, сделай все, что потребуется.

– Все? – Она улыбнулась ему неприятной улыбкой.

– Да.

– Тогда даю тебе слово, – заявила она. – А я никогда не нарушаю свое слово.

Ее обещание прозвучало как угроза, и Джорон отвернулся, прежде чем она успела сказать еще что-нибудь оскорбительное для хранителя палубы. Однако Квелл промолчала, только рассмеялась, и он ушел в маленькую каюту, где сел так, что меч терся о его ногу, словно хотел ее разрезать, а рукоять маленького арбалета согревала руку. Джорон почувствовал, что находящийся у него за спиной курсер на него смотрит, но не знал, что сказать.

Костяной корабль довольно скоро их нагнал, его тень упала на крыло-флюк, закрыв собой тепло Глаза Скирит, отчего по телу Джорона прошла дрожь.

– Мастер флюк-лодки, – раздался крик. – Я Барнт Амстил, супруг корабля «Зуб кейшана».

– Я Квелл, супруга корабля, – прокричала в ответ Квелл, сворачивая веревку, – мастер этой лодки, сломайте ваши луки наудачу, хорошо?

Джорон наблюдал в дверную щель, над прицелом арбалета, но если Квелл и собиралась их предать, то вида она не подавала. Она не подала никакого сигнала супругу корабля «Зуб кейшана» и продолжала сворачивать веревку, словно ей не было никакого дела до происходящего.

– Вы приближались к городу, а потом повернули обратно. Именем Тиртендарн Джилбрин, что послужило причиной?

– Я слышала в таверне Бернхьюма, что можно хорошо заработать, если проплыть немного дальше, под защитой доброй птицы, а я всегда была любительницей путешествий. – Она рассмеялась. – Очень люблю путешествовать.

– Однако ты повернула обратно, отказавшись от заработка, – сказал супруг корабля.

– Я увидела в подзорную трубу, что там остался только пепел, а пепел – не самый лучший товар для торговли, – ответила Квелл.

На некоторое время воцарилось молчание, и Джорон пожалел, что не может видеть Барнта. В поле его зрения были лишь белые кости борта костяного корабля.

– Безопасная гавань – это город предателей, – медленно заговорил супруг корабля. – Из чего следует, что я могу конфисковать все, что у вас есть. Твою лодку и груз. Я заберу их, а ты отправишься в Безопасную гавань как предательница, и там с тобой разберутся.

Джорон содрогнулся. Он не думал, что Квелл их предала, а если это и случилось, он ничего не заметил. Нет, просто они столкнулись с обычным поведением офицера флота, каким он представлял их прежде, – женщины и мужчины, которые готовы забрать все у менее удачливых, не слишком заботясь о том, справедливо они поступают или нет.

– О супруг корабля, – рассмеялась Квелл. – Мастер торговец, я веду линию Девы со всеми другими торговцами, и всем это известно. Вам нет никакой нужды...

– Целься! – раздался крик, и Джорон представил, как большие дуголуки корабля разворачиваются, чтобы стрелять по крыло-флюку – так наверняка все и происходило.

– Один момент, супруг корабля, – сказала Квелл, и теперь ее голос стал предельно серьезным. – Один момент, прежде чем ты отправишь меня к Старухе, тебе ведь он ничего не будет стоить?

– У тебя один момент, – последовал ответ.

– Эйлерин! – закричала Квелл.

Джорон почувствовал, что курсер у него за спиной напрягся, услышав свое имя. Он повернулся, но остался сидеть на месте.

– Эйлерин! – снова прокричала Квелл. – Иди сюда!

– Иди, – сказал Джорон.

Курсер не двигался.

– Я знаю, что ты ее боишься, – сказал Джорон как можно мягче, – большинство на борту так к ней относятся. Но нам всем сейчас грозит смертельная опасность, а супруга корабля сказала, что мы должны ей верить. Если у нее есть план спасения и требуешься ты, мы должны рискнуть.

– Я...

– Так бы хотела Миас, и это мой приказ. – Стал ли его голос излишне резким?

Курсер сидел совершенно неподвижно, потом коротко поклонился и встал, чтобы присоединиться к Квелл на палубе.

– Курсер, – сказал супруг корабля Амстил.

– Да, – ответила Квелл.

– У немногих торговцев есть курсеры.

– Да, не все могут их себе позволить, – добавила Квелл.

– Но почему меня это должно интересовать? Если не считать того, что твой груз может оказаться ценным? – спросил Амстил.

– На то есть множество причин, супруг корабля, – ответила Квелл. – Во-первых, убийство курсера не во время битвы приносит невезение, как и ветрогона; даже в сражении, об этом стоит подумать дважды. Во-вторых, как я уже сказала, у меня есть курсер, потому что я могу его себе позволить. В Бернсхьюме осталась моя семья и торговцы, которые знают о дороге кейшанов, по которой я летаю. И можешь не сомневаться, если я не вернусь, они, как и мои друзья, это узнают, и та великая семья, из которой ты производишь, лишится ряда преимуществ в торговле.

– Ты мне угрожаешь, торговец? – осведомился Амстил.

Квелл рассмеялась и покачала головой.

– Только глупцы угрожают супругу корабля флота. Я мастер торговец, поэтому предлагаю тебе сделку, супруг корабля.

– И в чем она будет состоять? – Голос супруга корабля оставался холодным и равнодушным.

– Один момент, супруг корабля, – сказала Квелл.

Затем повернулась, оставив Эйлерина смущенно стоять на палубе, и вошла в каюту, где сидел Джорон.

– Отдай мне свой необычный меч, Твайнер, – сказала Квелл голосом хриплым, как погода дальнего севера.

Он почувствовал, как все лицо у него онемело.

– Мне подарила его Миас, – сказал он.

Глаза Квелл сверкнули, их затопил прилив злобы.

– Да, значит, это качественное оружие, – сказала Квелл. – Такой человек, как супруг корабля, сразу его оценит. И ему наверняка понравится необычный рисунок.

– У нас есть монеты, – негромко, но твердо ответил Джорон. – Миас дала нам вполне достаточно для подобной ситуации.

Квелл наклонилась вперед, и Джорон ощутил запах ее влажной одежды и неприятный аромат сладкого сока фрукта, который она так любила жевать.

– Амстил из старой и богатой семьи, деньги его не интересуют. Новизна, вот что поймает его на крючок, – заявила Квелл.

– Попробуй сначала монеты, – сказал Джорон.

– Если ты хочешь поспорить, – с усмешкой сказала Квелл, – я готова продолжать целый день, и тогда супругу корабля это надоеет, он прикажет стрелять из луков или спустится к нам на палубу.

Джорон понимал, что у него нет выхода, и начал отстегивать пояс.

– Я этого не забуду, Квелл, – пообещал Джорон. – Ты так поступаешь, чтобы меня унижить. – И он вложил меч в ножнах в ее руку.

– Я бы никогда так не поступила, супруг корабля, – сказала она и вышла из каюты.

– У меня есть клинок, супруг корабля, – сказала она, – и он очень хорош. – И Квелл швырнула его на палубу «Зуба кейшана».

Джорон услышал, как Амстил его поймал и вытащил клинок из ножен. Вне всякого сомнения, он его изучал.

– Да, превосходное оружие. – Последовала пауза. – Полагаю, торговец, необходимость расстаться с такой ценной вещью станет для тебя уроком. Никогда не возвращайся сюда, ты меня слышала?

– У меня нет никакого желания сюда возвращаться, супруг корабля, – сказала Квелл.

Затем супруг корабля отдал приказ, и команда стала спускать крылья, чтобы позволить «Зубу кейшана» развернуться и двигаться обратно против ветра.

Джорон представил, какие бы чувства он испытал, если бы положил руки на тонкую шею Квелл и сжимал их до тех пор, пока она не перестанет дышать.

11

Самая черная команда в море

«Дитя приливов» стоял на месте в окружении небольшой флотилии кораблей, три из которых были костяными – два все еще требовали серьезного ремонта, и мастер Коксвард нетерпеливо вздыхал и потирал руки, так ему хотелось поскорее приступить к делу: «Супруга корабля, тут работы всего на несколько дней». Но у Миас не было времени для подобных вещей. Она собрала всех супругов кораблей своего флота у себя в каюте и усадила за стол вместе с хранителями палубы.

Брекир и Вулс с «Оскаленного зуба», Колт и Рулфар с «Клюва Скирита», каждая супруга корабля надела свои лучшие разноцветные одежды, с краской приветствия под ногтями; хранители палубы, слегка менее разноцветные вторые офицеры, стояли у них за спиной, и все внимание сосредоточилось на Миас. Они поели за письменным столом, затем остатки еды убрали и принесли доски из джиона, чтобы все могли сесть, и Миас расположила тарелки, соусники, чашки и вилки, чтобы изобразить Безопасную гавань.

– Вот наша цель, девочки и мальчики, – сказала она. – Джорон видел два двухреберных корабля и один четырехреберный. И еще у них есть примерно восемь флюк-лодок. Иными словами, около ста пятидесяти человек на каждый двухреберник, двести пятьдесят на четырехребернике, ну и следует добавить еще двести на флюк-лодках.

Она посмотрела на серьезные лица сидевших за столом. Брекир выглядела несчастной, ее удлиненное лицо хмурилось. Туссана было трудно читать; его круглое лицо оставалось веселым, как и всегда, но ходили слухи, будто разум его покинул после особо жестокого сражения, и хранитель палубы, Бинин, является единственным, кто поддерживает на плаву поврежденный «Клюв Скирит». Колт с «Острого ситера» был его противоположностью, мысли сразу отражались на обветренном морщинистом лице, и все они не сулили ничего хорошего. Суровый боец, возможно, он даже слишком любил сражения; его хранитель палубы никогда не открывал рот, лишь сидел у него за спиной со свирепым лицом. В их отношениях чувствовалось очень серьезное напряжение.

– Восемьсот человек, – со смешком сказал Туссан. – И мы можем добавить еще сотню морских гвардейцев, ведь речь шла только о командах. А у нас всего четыре сотни – если мы поведем в сражение всех. И только «Дитя приливов» и «Оскаленный зуб» способны сражаться по-настоящему.

– Говори за себя, – сказал Колт и покрутил головой – худощавый мужчина, маленький, но состоявший из сплошных мускулов, он казался столь же напряженным и жестким, как натянутая старая веревка. – Пусть «Острый ситер» не в самом лучшем состоянии, у него есть повреждения, но его нельзя назвать выбывшим из игры. Моя команда будет сражаться.

Он втянул в себя воздух, у него отсутствовал один клык, и он заменил его металлическим зубом. Сидевший у него за спиной хранитель палубы Рулфар смотрел в пол.

– Все это представляется мне превосходным, – продолжал супруг корабля Туссан с широкой улыбкой, многочисленные перья на его шляпе с двумя хвостами покачивались, пока он говорил. – И какой замечательный обед устроила для нас супруга корабля Миас. Я думаю, мы все должны отдать ему должное. – Его последние слова встретило молчание, ведь обед получился далеко не самым удачным.

Еда была несвежей, а разговор – напряженным после известия о смерти Аррина – хотя собравшиеся совсем на него не походили, все относились к нему с уважением.

– Я считаю, – заговорила Миас, – что моя мать нас недооценила. И полагаю, несмотря на ваши сомнения, что мы сумеем захватить Безопасную гавань на то время, которое нам потребуется.

– Почему ты считаешь, что нас недооценивают? – спросил Бинин.

– Моя мать была невысокого мнения о Безопасной гавани и послала только своих мужчин, чтобы ее захватить, – ответила Миас.

– Ты считаешь, что мужчины не могут быть хорошими супругами корабля? – спросил Джорон.

Его вопрос прозвучал излишне резко, и, хотя Миас ничего не сказала о том, что он лишился своего клинка, он считал, что подвел ее. И чувствовал, что она должна быть разочарована.

– Нет, я считаю, что мужчины могут быть прекрасными супругами корабля, Джорон. Однако моя мать придерживается старомодных взглядов.

– Все эти разговоры о твоей матери, – вмешался Колт. – Ты хочешь совершить рейд на Безопасную гавань только для того, чтобы причинить ей вред, Миас? – Он посмотрел на всех, кто сидел за столом, по очереди заглядывая им в глаза. – Пойми меня правильно, я ничего не имею против. Месть – отличный повод для войны.

– И для того, чтобы погубить то, за что мы боролись, – возразил Бинин. – Колт знаменит своей любовью к войне, но это не делает нашу маленькую команду кораблей способной сражаться с силами, собранными в Безопасной гавани, – не говоря уже о том, что мы ничего не получим даже в случае победы.

– Это будет славная победа, Бинин, – сказал Туссан своему хранителю палубы. – Только Скирит знает, почему ты пытаешься все испортить.

– Я склонна согласиться с Бинином, – сказала Брекир.

– Да, конечно, – проворчал Колт, но в его голосе не было ни малейшего дружелюбия.

– Нам лучше дать нашему флоту возможность отдохнуть. Мы не спешим расставаться с собственными жизнями, Колт. – И если бы в этот момент Миас не вмешалась, мечи покинули бы ножны.

– Брекир права, мы не сможем одержать победу в прямом сражении, – сказала Миас. – Но и ты, Колт, прав, я бы с удовольствием нанесла урон моей матери. Я планирую это сделать так, чтобы не пришлось сражаться со всеми силами, стоящими в Безопасной гавани, когда нам пришлось бы вести схватку корабль против корабля – в такой битве мы почти наверняка потерпим поражение.

– Но это в любом случае огромный риск, – сказал Бинин. – Почему бы нам просто не улететь подальше отсюда? Именно так нас просил поступить Аррин.

– Но Аррин ничего не знал о корабле из коричневых костей, который мы тащим на буксире, Бинин, а также о том, что находилось на его нижней палубе. – Она поочередно посмотрела каждому в глаза. – Корабль с его ужасным грузом где-то ждут.

– Ты думаешь, они атаковали Безопасную гавань после того, как корабль не пришел в какой-то порт? – спросил Туссан, и все к нему повернулись. Его лицо, остававшееся до этого момента серьезным, внезапно исказила странная усмешка. – Так, мимолетная идея, не более того. Я потакаю всем своим желаниям.

По губам Миас пробежала быстрая улыбка, легкий ветерок эмоций.

– Нет, – возразила она. – Время совсем неподходящее, но, если люди на борту являются каким-то ресурсом, значит, он все еще востребован. Рыбачка рассказала нам, что на острове есть коричневые кости, поэтому они ждут, что туда вернутся другие корабли, чтобы забрать то, что осталось. Сколько их там, Джорон?

– Я видел работавших сотню человек, – ответил он.

– Значит, мы можем считать, что их там больше. И они не станут отпускать всех сразу, а только тех, кого сумеют контролировать, – сказала Миас.

– И что с того? – спросил Колт. – Ты планируешь полететь в гавань на корабле из коричневых костей и просто погрузить туда наших людей, даже не обнажив мечей?

– Только не надо так разочарованно на меня смотреть, Колт. Конечно нет. Там должны быть кодовые сигналы флагами для любого корабля, входящего в гавань. Нет, мой план включает много насилия, об этом можешь не беспокоиться. А какой будет моя роль? Ну если честно, то никакой.

– Ты слишком ценная, чтобы подвергаться опасности, – сказал Туссан, обмахивая лицо веером.

Когда-то он был привлекательным мужчиной, привилегированным избранником, но невоздержанность испортила его внешность и тело, а многие говорили, что пострадал также и разум.

– Ничего подобного, Туссан, – возразила Миас. – Но я узнаваема, как и «Дитя приливов». Это будет короткая атака с последующим бегством, и мы не можем рисковать, чтобы «Дитя приливов» узнали те, кто остались на острове. Мы – единственный корабль, который безопасно отправить в Бернхьюм.

– Ты полагаешь, что она до сих пор не знает про тебя, – сказала Брекир.

– Я должна сделать такой вывод, – сказала Миас. – Что-то происходит с коричневыми костями, и мне это не нравится. Если мы сумеем выяснить, в чем дело, показать людям тот ужас, которому стали свидетелями, у нас появятся шансы свергнуть мою мать. Мы отомстим за Безопасную гавань и сделаем шаг к серьезным переменам.

– А ты получишь огромную славу, вне всякого сомнения, – усмехнулся Колт.

– Да, верно, Колт. И тогда я получу серьезную власть над островами и смогу вернуть вас к нормальной жизни. Черных кораблей больше не будет. И не будет войны.

– Больше не будет войны, – тихо сказал он. – Но зачем я тогда вообще нужен, Миас?

– Война не закончится быстро, Колт, не переживай. Тебе еще хватит сражений. Но сначала Безопасная гавань.

– И в чем состоит твой план, Миас? – Голос Колта превратился в тихое рычание.

– «Дитя приливов» и я останемся здесь вместе с «Клювом Скирит» и «Острым ситером», Брекир с «Оскаленным зубом» мы снарядим для хорошей скорости – это вполне возможно, и нам потребуется максимальное количество больших флюк-лодок.

– «Ситер» может сражаться, его нет нужды оставлять здесь, – резко возразил Колт.

– Но «Ситер» не должен сражаться, Колт, – сказала Миас. – Если все закончится поединками корабля против корабля, то мы проиграли. – Она оглядела собравшихся за столом. – Вот мой план. Брекир, ты приближаешься под покровом ночи к дальней части острова и высаживаешь отряд, который должен выйти к городу с другой стороны. Глупо заставлять пленников работать, темнота делает их дерзкими, у них появляются шансы для побега. Я надеюсь, что, если мы проберемся туда ночью, пленные, которых видел Джорон, будут в лагере.

– А если нет? – спросила Брекир.

– Это разбивает мне сердце, – ответила Миас, – но нельзя исключать, что мы не сможем освободить всех. Однако попытаемся сделать все, что в наших силах. – Она снова оглядела всех. На нее смотрели унылые и серьезные лица. – Когда Слепой Глаз Скирит пройдет две трети пути, мы полетим на корабле из коричневых костей, нагруженным всей слюной старухи, которая у нас есть.

– Корабль огня, – содрогнувшись, сказала Брекир. – Будет трудно найти для него команду.

– На нем будет полная команда только до тех пор, пока он не окажется рядом с гаванью, чтобы ветрогон смог направить его туда.

– Говорящий-с-ветром наш самый полезный член команды – и ты готова им рискнуть? – сказала Бинин.

Тусклосвет сиял на ее темной коже.

– Если потребуется, – ответила Миас. – Если ветра будут за нас, ветрогон покинет корабль вместе с большей частью команды. Потребуется от пяти до десяти человек, чтобы направить его в гавань и поджечь. Затем они должны будут найти путь к спасению в возникшем хаосе.

– Удачи им, – сказал Колт. – Все дети палубы Безопасной гавани будут жаждать их крови. – Он оглядел стол. – А почему ты так уверена, что корабль из коричневых костей доберется до гавани?

– Жадность, – ответила Миас. – Супруг корабля Барнт, укравший меч Джорона, оказался очень жадным. Я полагаю, что они впустят наш корабль внутрь, чтобы его захватить. А потом я рассчитываю, что все дети палубы захотят найти тех, кто поджег их гавань. – Она усмехнулась. – Пока внимание Безопасной гавани будет сосредоточено на горящем корабле, Брекир и ее отряд нанесут удар по Большому Жилищу. Там просто нет ни одного другого подходящего здания, где они могут держать наших людей. Затем Брекир вместе с ними вернется на корабли, находящиеся на другой стороне острова, – и все смогут спастись.

– Но это верная гибель для экипажа корабля огня, – сказал Колт. – Кто будет им командовать?

Джорон протянул руку, чтобы коснуться рукояти меча для спокойствия, но обнаружил, что его нет.

– Это сделаю я, – заявил он.

Что появилось на лице Миас – облегчение? Страх? Печаль? Он не знал. Но теперь, когда слова прозвучали, он о них пожалел, но понимал, что не мог их не произнести, как не мог не дышать. Впрочем, последний вариант внезапно стал более вероятным. Колт смотрел на него со странной улыбкой старого человека, когда Джорон ощутил холодное дыхание смерти на своей щеке.

– Ты не можешь поручить неопытному мальчишке такое сложное задание, – сказал Колт. – Я возглавлю корабль огня.

Джорону вдруг показалось, что жизнь возвращается в его тело; он чувствовал себя слабым и живым, и у него кружилась голова.

– Только не радуйся, мальчик, – добавил Колт, – я возьму тебя с собой. – И Джорон снова почувствовал, как ноги у него наливаются тяжестью.

– И еще одно, Миас, – сказал Колт. – В ту минуту, когда они увидят, что на корабле совсем маленькая команда, они почувствуют опасность, как гниль в недельном трупе кивелли, и бросят против нас все, что у них есть. Не исключено, что мы даже не сможем войти в гавань.

На губах Миас появилась жуткая усмешка.

– Об этом не беспокойся, Колт, у меня есть для тебя команда, поверь мне, она мечтает о мести моей матери.

12

Огонь в ночи

– Корабль мертвых, верно? – Колт смеялся в ночном тумане, который окутывал «Сокровища девы». – Корабль мертвых, – повторил он и пошел по длинной палубе, терявшейся в туманном сумраке.

Джорон пребывал не в таком веселом настроении; на самом деле он никогда в жизни не испытывал столь невероятной тревоги. И вовсе не потому, что ему предстояло принять участие в отчаянной атаке на многократно превосходившие силы врага, и не потому, что он боялся за свою жизнь или получить тяжелое ранение. Как и не из-за жуткого замысла Мияс – взять на борт трупы тех, кто умер на грузовой палубе, и привязать их повсюду – на такелаже, у поручней, возле руля. Сотня мертвецов, имитирующих жизнь в последнем акте мести. Погребальный костер.

Нет, дело было не в этом. Его пугали огнекотелки, бочки со слюной старухи, которые стояли всюду на старом корабле из коричневых костей и ждали, когда их подожгут. Огонь – кошмар любого дитя палубы, а огонь слюны старухи худший из всех – как только он загорится и займется костеклей, его уже нельзя будет погасить. Даже старые и опытные дети палубы, которые согласились принять участие в миссии, его заметно опасались. Они с преувеличенным безразличием, вразвалочку, расхаживали по палубе, их бравада была неправильной, она оказывала влияние на Джорона, который, как ему казалось, чувствовал старые кости корабля сквозь сланец.

Да и трупы не помогали.

Пока он ходил взад и вперед по палубе в тумане, собравшемся под взошедшим Слепым Глазом Скирит, он видел фигуры перед собой и повышал голос, чтобы их приветствовать, ведь именно человеческий голос лучше всего согревает в темноте и тумане. Но всякий раз его встречал привязанный к поручням молчаливый труп, который оживляли лишь неустойчивые волны. Поэтому он перестал говорить, и теперь «Сокровища девы» направлялся в Безопасную гавань в мягком пузыре тишины.

– Не хотеть!

Ну почти в тишине.

Ветрогон не соблюдал тишину, а его ненависть к лишенному ветра так и не стала меньше. Оба продолжали свой танец – крики, прыжки, качания головы, странные возвращения – все это повторялось снова и снова, вечное, как смена времен года.

– Джорон! – крикнул Колт. – Заставь свою птицу прекратить издавать адский шум. Если он будет так орать, когда мы приблизимся к Безопасной гавани, наше путешествие быстро закончится.

Джорон по голосу нашел ветрогона, который тихонько постукивал клювом по бочке со слюной старухи, и ему лишь с большим трудом удалось удержаться от крика.

– Ветрогон, – сказал он максимально холодным голосом, – я должен попросить тебя не трогать это, если ты не хочешь отправить нас всех к старухе в пламени.

– Огонь? – Он дважды кинул головой в сторону бочки. – Плохо пахнет.

– Да, так и есть, и да, это огонь, – проворчал Джорон. – Мы отправим охваченный пламенем корабль в Безопасную гавань, чтобы поджечь наших врагов.

Ветрогон задумчиво кивнул головой.

– Поджечь лишенных ветра.

– Нет, ветрогон. И ты должен постараться не шуметь на лишенного ветра, пока мы на корабле.

– Не шуметь. Ненависть, – заявил ветрогон.

– Но ты должен попытаться. Все на борту этого корабля должно выглядеть нормально, а голос ветрогона может насторожить тех, кто охраняет Безопасную гавань, что нам совершенно ни к чему. Пожалуйста, сделай так для меня.

– Не хотеть, – тихо ответил ветрогон.

– Я знаю, но прошу тебя, – сказал Джорон.

– Петь потом?

– Да, мы споем потом, – обещал Джорон.

Как он мог отказаться? Музыка лилась отовсюду. Даже сейчас песня, красивая и странная мелодия, поднималась у него внутри, когда они приближались к земле, и что-то толкало Джорона выпустить ее наружу. Ветрогон чистил перья возле когтя крыла.

– Буду тихий.

Затем он резко развернулся, зашипел на лишнего ветра, стоявшего у него за спиной, и отбежал в сторону. Джорон пошел дальше по кораблю, к корме и сквозь вонь смерти, наполнявшей туман. Влажный воздух принимал призрачные формы, словно обиженные духи летели вместе с ними.

У руля он нашел Анзир и Фарис. Из всех, кто находился на корабле, он считал Фарис самой смелой; она получила ужасные шрамы от огня в трюме судна, и отметины на ее лице мог видеть каждый. Огонь по-прежнему вызывал у нее ужас, она делала все, чтобы избежать назначения на камбуз «Дитя приливов», где всегда горел огонь для кока, однако сразу вызвалась добровольцем. Из-за Джорона, ведь она служила под его командой.

– Вижу землю! – раздался крик сверху.

Джорон представил себя наблюдателем, сидящим наверху, выше тумана, – должно быть, у того возникало ощущение, будто он летит над облаками, как сама Скирит, открывшая Золотую дверь и парящая над архипелагом за стеной штормов.

– Осталось совсем немного, – тихо сказала Фарис.

– Ты можешь уплыть на флюк-лодке с остальными, Фарис, – сказал он. – Тут не будет позора, если ты не останешься в составе неполного экипажа. Ты присоединишься к нашей флотилии на дальней части острова. – Корабль потрескивал, и Джорон легко мог представить, что с каждым новым звуком двигаются мертвецы, тянут за веревки, словно рассчитывают, что сумеют спастись из огня, который скоро их поглотит.

– Я пойду туда, куда пойдете вы, хранитель палубы, – сказала она, и за ее спиной кивнула Анзир. – Пусть даже в огонь. – И что-то в сердце Джорона дрогнуло, когда он увидел такую простую веру в себя.

Как Фарис могла не видеть, что он живет в страхе и неуверенности?

– Хранитель палубы. – Супруг корабля Колт появился из тумана. – Когда мы свернем в сторону Безопасной гавани, позаботься о том, чтобы все, кто должен покинуть эту посудину, выполнили приказ. – Ты, девочка, – сказал Колт, поворачиваясь к Фарис, – я вижу, хранитель палубы тебе верит, так что можешь зажечь огонь. Начнешь по моему приказу. – Фарис, которая обычно быстро реагировала на приказы, только молча смотрела на Джорона, на этот раз застыла, точно каменная статуя.

– Супруг корабля Колт, – сказал Джорон, – я бы предпочел поручить это Анзир, а Фарис лучше оставить у руля.

– Она выглядит слишком хрупкой для такой работы, здесь требуются мускулы, – сказал Колт, бросив взгляд на Анзир. – Но ты лучше знаешь своих людей, и решение принимать тебе. Я поднимусь на мачту к наблюдателю. Будь готов к моему сигналу и надейся, что наши враги окажутся самодовольными глупцами. Если они пошлют костяной корабль, чтобы нас проверить, мы проиграли еще до того, как все начнется. – И он скрылся в тумане, начав подниматься на главную мачту.

Они летели все дальше, легкий ветер наполнял крылья, прятавшиеся в тумане, толкая корабль трупов и встревоженных женщин и мужчин вперед. Джорон чувствовал, как с каждым его скрипом растет напряжение. В своем сознании он видел первозданно белый костяной корабль, поднимающий стоп-камни и разворачивающий крылья, чтобы их перехватить. Супруг корабля с мечом Джорона на поясе отдает приказ приготовить к работе дуголуки. Улыбка на его лице, понимающего, что корабль из коричневых костей – чужак. Безжалостная атака, костяной корабль обрушивает на беспомощное судно один залп за другим.

– Как вы думаете, хранитель палубы, они подойдут, чтобы на нас посмотреть? – спросила Фарис от руля.

– Нет, Фарис. – Он откашлялся. – Миас говорит, что они жадные и будут просто ждать, когда мы залетим в ловушку. – Каким-то образом полное принятие плана Миас успокоило Джорона.

– Когда огонь загорится, Фарис, – сказал он, – ты должна позаботиться о том, чтобы ветрогон первым покинул корабль, ты поняла? Не слушай глупости, которые он будет говорить, сажай в лодку и постарайся доставить к Миас живым.

– Как скажете, хранитель палубы, – ответила она, и он обрадовался, что хотя бы Фарис спасется из огня, что бы ни случилось.

– Свернуть немного правее, – послышался крик сверху. Фарис налегла на руль, и он ей помог. – Достаточно! Держите курс неизменным.

Они вместе вернули руль обратно, и далее Фарис удерживала его в положении «вперед». Из тумана появился Колт.

– Миас была права, – сказал он. – Они нас видели, но подумали, что в тумане мы проскочим мимо, так и будет, но совсем по другим причинам. – Он провел узловатой рукой по лицу. – Пусть те, кто не будет поджигать корабль, покинут его. Из моих девочек и мальчиков останутся Тенф и Халисси – он высокий парень, Колфи, Дани и Гарент. Они все дерутся так, словно на плечах у них сидит Старуха, а Дева обещала принять в свои объятия. Ты знаешь своих, которые должны остаться, другим пришла пора покинуть корабль. Затем собери всех своих людей для короткой речи, и пусть твой ветрогон принимается за работу и усиливает ветер. Я встану у руля до самого конца.

Джорон кивнул, собрал всех женщин и мужчин, которые до этого момента управляли кораблем, тянули и завязывали веревки и делали множество других вещей, как и положено на любом корабле. Затем они встали у борта корабля, и многие шептали ему: «Удачи, хранитель палубы», «Да поможет тебе Мать, хранитель палубы» и «Пусть Старуха заберет твоих врагов, хранитель палубы».

Затем он вернулся на корму, где Колт построил тех, кто останется, всего десять человек, включая Джорона и Колта. За ними держался ветрогон, а еще дальше – лишенный ветра, дожидавшиеся новых приказов.

– Мои дети палубы знают, – заговорил Колт, – что я не люблю речей, а большая часть команды корабля не сможет их оценить. – Он кивнул на трупы. – Но я не стану вам лгать относительно опасности, которая нам всем угрожает. Лишь немногие, возможно, никто, смогут увидеть рассвет, поэтому послушайте меня сейчас. Покиньте корабль до того, как он загорится, я никого не стану ждать. Когда вы встретите врага, а это обязательно произойдет, постарайтесь продать свою жизнь подороже. Помните о погибших.

Те, кто пришел с Колтом, хором повторили:

– Помните о павших.

– Хорошо, а теперь Джорон попросит своего ветрогона бросить нас вперед. Вы поступайте, как посчитаете нужным, чтобы почувствовать себя лучше, а затем вам предстоит прикончить некоторое количество тех, кто проклят Старухой, так что позаботьтесь, чтобы ваши курновы были острыми.

На этом его речь закончилась. Джорон вернулся на корму и положил мозолистую руку на руль, рядом стояла Фарис.

– Ветрогон, – сказал Джорон, – дай нам такой ветер, чтобы мы летели вперед с такой же скоростью и в том же направлении.

– Ветер, – сказал ветрогон.

Он присел на корточки и обратился к тем силам, которые позволяли ему управлять ветрами. Джорон почувствовал, как у него заболели уши, когда давление воздуха изменилось, и у него появилось странное ощущение, зазвучало эхо древних песен, которые он слышал всякий раз, когда отводил ветрогона к шпилью, чтобы тот восстановил энергию. Одновременно он ощутил жар по всему телу; затем тепло исчезло, и у него замерз кончик носа. Казалось, мир замер, миллионы тонн воды промчались по его коже, он оказался погребенным во мраке, а потом, с почти слышным хлопком, необычные ощущения исчезли.

– Хранитель палубы, – тихо сказал Колт, – поднимись на мачту, туман не рассеивается, и мне нужен тот, кто сможет проложить путь для столкновения с их четырехреберником. Остальные корабли пришвартованы рядом с ним в центре гавани. Большая небрежность с их стороны – они думают, что здесь им не грозит опасность. Огню, чтобы разгореться, потребуется по меньшей мере десятая доля поворота песочных часов, поэтому, когда тебе покажется, что пришло время поджечь проклятую Старухой посудину, крикни «уменьшить скорость», и я буду знать, что пора действовать.

– А что, если я и вправду захочу, чтобы вы уменьшили скорость? – спросил Джорон.

Колт усмехнулся в ответ.

– Я все равно этого не сделаю. Мы хотим врезаться в них на максимальной скорости. – Он улыбнулся, глядя в удушающий туман. – Они все будут гореть.

– Хорошо, – сказал Джорон.

И стал подниматься на главную мачту, к гнезду наблюдателя, чтобы стать глашатаем предстоящего хаоса.

Постепенно туман перед ним рассеялся, ему на смену пришел дым, который поднимался над горевшей Безопасной гаванью, но Джорон не смог разглядеть место, где в клубившейся туче один приходил на смену другому. Дымные, тлевшие линии красного цвета продолжали накрывать город, показывая, где начинается берег. Еще дальше, там, где расстился рассеянный ковер синего света, огни кораблей терялись в тумане. Он видел наблюдателей на мачтах кораблей – самая высокая была у четырехреберного, на центральной мачте сиял тусклосвет. По обе его стороны стояли двухреберные, чьи тусклосветы располагались немного ниже. А перед ними Джорон разглядел другой источник света, сиявший в тумане на вершине одной из башен пирса – должно быть, ее перестроили, чтобы оттуда наблюдать за бухтой.

Джорон надеялся, что там нет большого дуголука, он сомневался, что у них было время построить нечто способное выдержать его вес. Четыре источника света определяли треугольную пирамиду – свет на вершинах мачт составлял основание, огонь на башне – вершину – казалось, она напоминает ему о долге. Берег за огнями Джорон знал хорошо; после того, как их корабль пройдет между башнями, им следует свернуть направо, чтобы приблизиться к цели.

– Хей! Коричневые кости, – послышался крик с башни, к которой они приближались.

Из темной кляксы тумана появилась фигура наблюдателя, сидевшего на корточках. Был ли он таким же темнокожим, как и он?

«Мы, люди с Длинных островов, всегда хорошо подходим для ночной вахты», – услышал он смеющийся голос отца.

– Вы вернулись слишком рано. Семь флагов в полете? – У женского голоса отсутствовало эхо, его поглощал туман, и на миг Джорону показалось, что они остались вдвоем во всем мире. – Я сказала, семь флагов в полете! – снова прокричала она, и Джорон понял, что это нечто вроде пароля.

Конечно, как иначе. Но он не знал правильного ответа. Джорон ослабил узлы, которые удерживали под курткой один из маленьких арбалетов, и вложил болт в оружие. Затем упер его в носок сапога и натянул тетиву. И прицелился в наблюдателя на башне.

– Хей! Коричневые кости, – снова раздался крик.

Появились ли в голосе первые признаки подозрений?

Башня приближалась, в тумане она казалась невероятно странной – все звуки заглушал рокот бегущей вдоль корпуса воды и шум детей палубы внизу. Он и часовой на башне двигались по воздуху, Кости Скирит – по небу, их орбиты неумолимо сближались. Теперь Джорон уже смог разглядеть одежду женщины. Она завернулась в плащ и устроилась в маленьком гнезде с небольшой жаровней, которая также являлась источником света, плясавшего у нее на груди. Идеальная цель в одинокой ночи.

– Да, уже семь флагов, – сказал себе Джорон, наблюдая, как фигура женщины появляется у него на прицеле, нажал на спусковой крючок и почувствовал отдачу арбалета.

Джорон увидел, как дернулась женщина, открыла рот, и он услышал свои мысли: «*Умри, умри, умри*».

А потом женщина обмякла, удача не оставила Джорона – она не упала с башни и не рухнула в жаровню, и «Сокровища девы» вошел в гавань. Джорон досчитал до пяти, продолжая двигаться в тумане, а потом произнес нужные слова:

– Поворот направо.

Корабль свернул. Больше никаких инструкций не требовалось: все, кто побывал в Безопасной гавани, знали это место. Джорон почувствовал, как корабль закончил поворот. Три наблюдателя с костяных кораблей показывали на «Сокровища девы».

– Уменьшить скорость!

И он услышал эхо, очевидно, воздух изменился. Он уже не ощущал чистый влажный запах морского тумана. Появилась вонь сточных вод и гниющего мусора, обычное дело для гавани – а еще обожженной земли и плоти, что совсем не характерно для гавани. По реакции наблюдателей с кораблей Джорон сообразил, что они поняли: что-то пошло не так. Внизу он увидел свет зажженных факелов, дети палубы спешили поджечь слюну старухи в бочках, и он не сомневался, что Анзир делает это на нижней палубе, где заранее собрали смоченное слюной старухи тряпье.

– Предательство! – закричал один из наблюдателей, и в следующее мгновение болт арбалета вспорол воздух над головой Джорона.

Пора уходить. Он спускался вниз, по спирали двигаясь вдоль главной мачты, опасаясь, что какой-нибудь умник с арбалетом направит болт туда, где должен находиться спешивший вниз враг. Когда его сапоги коснулись палубы, Джорон почувствовал облегчение, но почти сразу его ноздри заполнил запах горячей слюны старухи. «Сокровища девы» теперь двигался со скоростью летящего камня. Справа Фарис помогала ветрогону и лишенному ветра забраться во флюк-лодку. Он слышал, как где-то кричит Колт, хотя клубившийся над палубой дым мешал его разглядеть.

– Поднимайтесь сюда, ленивые отродья! На главную палубу. Мне нужны ваши курновы на земле, а не сожженные тела в море.

Из дыма появились двое детей палубы, за ними следовал Колт. На корме Анзир и остальная часть команды бежали к флюк-лодке, а привязанные трупы уже начали гореть, разинув рты в безмолвном крике.

Раздался оглушительный хлопок, как если бы прямо перед ними вынырнул кейшан – на носу корабля что-то взорвалось, горячая волна воздуха опрокинула Джорона и всех остальных на палубу, накрыв теплым одеялом. Когда он открыл глаза, то увидел полосу огня, вся передняя мачта была объята пламенем – ярким, точно Глаз Скирит, – его отсветы превращали женщин и мужчин в диковинных зверей, чьи тени стали быстрыми и дергающимися. Трупы начали свой

последний танец. Теперь, когда огонь пылал так ярко, Джорон смог лучше разглядеть берег Безопасной гавани, все три корабля. Уже стало очевидно, что «Сокровища девы» врежется в пирс между двухреберными и четырехреберным костяными кораблями. Однако их команды не выказывали паники, женщины и мужчины рубили топорами швартовочные канаты. Затем Колт закричал:

– Держитесь, глупцы!

Больше Джорон ничего не видел.

Путешествие «Сокровищ девы» завершилось оглушительным ударом, который снова отбросил всех, кто сумел подняться на ноги после взрыва, на палубу. Воздух наполнился ревом и треском ломавшихся костей. И Джорону показалось, что он слышит торжествующий смех мертвецов. Объятая пламенем передняя мачта упала на четырехреберный костяной корабль, распространяя пламя по палубе, и, волею судьбы, вследствие удара, пылающий бочонок со слюной старухи взлетел в воздух и ударил в борт двухреберника. Огонь побежал по кораблю, вгрызаясь в покрытые шипами костяные борта.

– Прочь! – прокричал Колт. – Уходим с корабля, он сейчас начнет погружаться в воду!

Колт оказался прав – раздался оглушительный стон корпуса, нос корабля дернулся, палуба наклонилась, и один из команды «Дитя приливов», Тоссик, покатился по палубе, взывая о помощи, но почти сразу скрылся в пылающей воде. Джорон посмотрел ему вслед.

– Он уже у Старухи! – крикнул Колт, рев огня попытался заглушить его голос, точно нетерпеливый ветер. – К лодке! – Он побежал вперед, подталкивая перед собой Джорона.

Палуба раскачивалась у них под ногами. Воздух наполнился криками.

Затем Джорон оказался во флюк-лодке, где царила благословенная прохлада – борт «Сокровищ девы» защищал их от большей части жара. Он старался не думать об ужасе и страхе, которым сейчас были объяты люди на горящих кораблях. Затем, охваченный паникой, поискал глазами Фарис, оказалось, что она в лодке, с ветрогоном и скрючившимся рядом лишенным ветра.

– Да заберет вас всех Старуха! – продолжал кричать Колт. – Беритесь за весла, мы обогнем «Сокровища девы» и поплывем к берегу.

– Супруг корабля, – послышался женский голос с носа флюк-лодки, – на другой стороне гавани они не станут нас искать.

– Но так мы с большой вероятностью наткнемся на второй двухреберный корабль, глупая женщина. Я не видел, чтобы он загорелся. А теперь гребите! Гребите изо всех сил, спасайте свои жизни!

Джорон схватил весло и принялся грести, и теперь пот на его коже не был клейкой жидкостью, проступившей от жары и страха, а чистым потом физической работы.

Он чувствовал, как раскачивается флюк-лодка, когда кто-то перемещался по ней, и полностью сосредоточился на своем весле, а не на криках, вони слюны старухи или богатых запахах горячей плоти, из-за которого его отчаянно тошнило и появлялись мысли о жареном мясе. Когда Колт заговорил ему в ухо, Джорон невероятно удивился.

– С этого момента, мальчик Миас, ты принимаешь команду.

– Я? – пробормотал он, едва не сбившись с ритма. – Почему?

– Слушай мой голос, мальчик, – продолжал Колт. Джорон ждал, когда он закончит фразу, и только потом сообразил, что он имеет в виду.

Конечно, Колт родился на Суровых островах, по другую сторону Хребта Скирит. Джорон достаточно долго прослужил под началом Миас, и теперь то, что прежде казалось невозможным – совместные действия с потомственным врагом Ста островов, – принимал без колебаний.

– Конечно, – сказал он и начал вставать.

– Они атакуют нас в ту минуту, когда я заговорю, – продолжал Колт.

– Я думал, вам нравятся сражения, – сказал Джорон, и улыбка исчезла с лица Колта.

– Да, – сказал Колт и наклонился еще ближе к Джорону. – Но еще больше мне нравится, когда мои девочки и мальчики возвращаются домой. – Он сверкнул зубами. – Только ничего им не говори. Они посчитают, что я утратил твердость.

– У вас есть план, Колт?

Супруг корабля кивнул.

– Мы доберемся до Большого Жилища, освободим оставшихся в живых горожан, встретимся с другими нашими людьми и уберемся отсюда.

– Звучит просто.

– Да, мальчик, большинство вещей довольно просты, пока другие не пытаются все испортить. Тут-то и начинаются проблемы. А теперь отдай мне свое весло и перейди на нос лодки, где положено стоять супругу корабля.

Джорон отдал весло Колту и осторожно двинулся вперед, обошел ветрогона и лишнего ветра, которые сидели на корточках на дне лодки, они даже не заметили его. Джорон посмотрел в сторону и увидел белую тень, подобно призраку плывшую сквозь дым и туман, – второй двухреберный костяной корабль отходил от пирса. На корме что-то горело, но было видно, что команда справится с пожаром. Колт оказался прав, этот корабль сумел избежать страшной участи двух других. Джорон смотрел, как он проходил мимо, на его палубу, по которой бегала команда – и панику, царившую на горевших кораблях. Он высоко оценил супругу корабля – очевидно, на втором двухребернике было запасено достаточно песка, чтобы погасить пожар. Миас одобрила бы такого офицера.

А затем корабль исчез в дыму и тумане, и Джорон стал смотреть вперед, на береговые причалы – не из камня, здесь их не было и никогда не будет, а временные, построенные из вариска и джиона, пока не появится возможность сделать все как следует. Теперь на незавершенных сооружениях собрались женщины и мужчины, они завороченно смотрели на два охваченных пламенем корабля, слюна старухи растворяла их кости, и вокруг возникла огненная лужа, которая поглощала флюк-лодку, отчаянно пытавшуюся спастись и отплыть подальше от горевшего двухреберника.

Когда они приближались к причалу, Джорон заметил офицера, хранителя палубы, с обнаженным курновом и шляпой с одним хвостом в руке. Он направлялся к тому месту, где они собирались причалить свою флюк-лодку, и что-то кричал, но Джорон его не слышал из-за рева огня. Сверху сыпался пепел, черные хлопья парили, точно стервятники, и он видел, как дети палубы стряхивали их с головы, опасаясь, что там окажется слюна старухи и они загорятся.

– Вы... куда собрались?.. – крикнул хранитель палубы.

– Я не слышу! – закричал в ответ Джорон.

Мужчина наклонился, в это время лодка уже подошла к причалу.

– Откуда вы прибыли?

Да спасет его Старуха, он не знал названий кораблей в гавани. Мгновение Джорон раздумывал, что сказать, потом отступил на шаг и поднял со дна лодки лишнего ветра – не ветрогона, так что он не был уверен, как тот отреагирует. Но Джорон не сомневался, что лишенный ветра сделает то, что ему скажут.

– Мы сумели спастись с двумя ветрогонами, – прокричал он. – Может кто-то поймать нашу веревку, пока мы не сгорели вместе со всеми? – Ноты паники в его голосе были настоящими, но он боялся вовсе не огня.

Он боялся, что враг поймет, кто они такие.

Сначала ему показалось, что хранитель палубы будет продолжать задавать вопросы. В таком случае Джорон понимал, что они не смогут высадиться на причале и все погибнут от арбалетных болтов – Джорон видел, что часть детей палубы была вооружена. Но они приняли решение за офицера – никто не хочет смотреть, как горят твои товарищи; к ним протянулись руки, на берег бросили причальный канат, и флюк-лодка пришвартовалась. Другие руки

помогли им перебраться из лодки на берег. Как только ноги Джорона оказались на земле, песня ветрошпиля стала громче, а вокруг ветрогона и лишнего ветра образовалось свободное пространство. Офицер смотрел на Джорона, словно он его почти узнал, но даже если и так, события этой ночи развивались слишком быстро. Что-то взорвалось на одной из лодок – запасы слюны старухи, – и в воздух взметнулась колонна пурпурного огня, заставив всех присесть.

– Ну чего вы ждете? – спросил хранитель палубы у Джорона. – Отведи их в Жилище, они слишком ценные, чтобы позволить им сгореть. И супруг корабля Барнт захочет поговорить с тобой, чтобы узнать, что случилось с его славным маленьким флотом.

– Да, хранитель палубы, – выдохнул Джорон, понимая, что они спаслись. – Идите за мной, – сказал он, обращаясь к остаткам команды, – отведем говорящих-с-ветром в безопасное место.

Ветрогон возмущенно заверещал, когда они зашагали к Большому Жилищу.

13

Порт, где царит мрак

Джорон с трудом узнавал почерневшее, окутанное дымом место, которое еще не так давно было мирной и веселой Безопасной гаванью. Что-то тлело у него внутри – смесь гнева и боли, в точности как сама Безопасная гавань. Если бы песня ветрошпиля, венчавшего остров, не переполняла его с того момента, как он ступил на берег, он бы поверил, что попал в кошмарную, проклятую Старухой землю для тех, кто оказался недостоин оценить утешение ее огня. Но песнь не исчезала, она вибрировала у него внутри, прекрасная, чуждая и странная, уникальная для каждого острова с ветрошпилем, как береговая линия. И он шел, а небольшая группа детей палубы, окружавшая ветрогона, создавала участок спокойствия – в то время как вокруг метались женщины и мужчины. И все это озаряло жуткое, потустороннее пурпурно-зеленое пламя горевших костяных кораблей.

Когда-то вдоль береговой линии стояли дома из глины, джиона и вариска, и улицы вели к Большому Жилищу. Теперь все исчезло, осталась лишь почерневшая земля, изредка попадались упрямые горки углей, указывавшие на места, где жили люди. Землю под ногами Джорона, славную, поющую землю покрывали шрамы, она почернела от слюны старухи, продолжавшей гореть в течение недель, и Джорон знал, что следы останутся на острове до конца его жизни. Чистое масло слюны старухи, извлеченное из огненных сердец аракесианов, было таким разрушительным ядом, что он действовал бесконечно долго. Из одной капли слюны старухи делали тысячи бочек ядовитого огня.

«Будет ли так же просто очистить воду, как отравить ее, Джорон», – услышал он голос отца, говорившего с ним через миллионы миль, когда он пролетал над спокойными океанами владений Старухи.

«Если бы», – сказал он самому себе, глядя, как группа детей палубы пробегает мимо с измазанными сажей лицами – теперь вокруг было полно дыма, как от сожженного города, так и пылавших кораблей.

Несмотря на то что воздух был холодным, все вспотели.

– Клянусь сиськами Старухи, Джорон, – сказал Колт, – я провел здесь больше времени, чем в любом другом месте в последние годы моей жизни, но понятия не имею, куда нужно идти.

Случайный порыв ветра на мгновение разогнал дым и туман, и Джорон разглядел флаг, развевавшийся над Большим Жилищем.

– Туда, – сказал он, указывая в сторону быстро исчезнувшего флага. Они двинулись дальше, угольки хрустели у них под ногами, как слой наста на свежем снегу, они проходили мимо женщин и мужчин, которые стояли, словно не понимая, что им делать. – Кажется, – тихо сказал Джорон Колту, – большинство детей палубы находились на берегу.

– Да, – кивнул Колт, – нам не повезло, но так уж получилось. И я не вижу работников. Должно быть, Миас была права, когда предположила, что они где-то заперты. За это нам лишь нужно благодарить Мать. – Он усмехнулся, посмотрев на Джорона. – Идем, нам следует спешить.

И они пошли. В какой-то момент они пропустили группу мрачных разгневанных офицеров. Джорон посмотрел на них, надеясь увидеть свой меч на поясе у кого-то, но в дыму было трудно что-то разглядеть. Офицеры шли медленно и о чем-то возбужденно спорили, пытаясь выяснить, кто во всем виноват. Он оглядел их лица и узнал одного из тех, кого однажды видел в Бернсхьюме. Джорон отвел глаза и стал смотреть в землю, раскидывая ногами угли, пока не добрался до утоптанной дороги.

– Послушайте, мальчики и девочки. – Джорон поднял голову. Один из офицеров, молодой и сердитый, но в шляпе с двумя хвостами и розово-синими прядями супруга корабля, стоял у бочки со слюной старухи, поставленной там, где прежде была обочина дороги. На боку у него висел меч Джорона. – Этот огнекорабль, он прилетел сюда не один.

– Его привели призраки, – раздался голос одного из детей палубы, который решил ответить офицеру. – Я их видел. На палубе стояли мертвые дети палубы.

– Вовсе нет, – прокричал в ответ офицер. – Его привели женщины и мужчины, а так как «Зуб кейшана» контролирует выход из бухты, мы знаем, что они не спаслись. – Другой офицер поднял руку, пытаясь увлечь первого за собой, но молодой мужчина стряхнул ее с плеча. – Женщины и мужчины, которые сожгли наши корабли... – Он смолк, тяжело дыша, но взял себя в руки и немного успокоился. – Сожгли ваших друзей, – сказал он, а потом добавил: – Моих друзей. – Он повернул голову к собравшимся. – Где они? Задайте себе этот вопрос, взгляните на лица тех, кто вас окружает. Ищите незнакомцев.

Колт потянул Джорона за руку.

– Нам пора двигаться дальше, парень, – сказал он.

Джорон понимал, что Колт прав. Но у супруга корабля был его меч, и он узнал голос Барнта, человека, которому Квелл его отдала, – складывалось впечатление, что сейчас он был главным на острове. Джорон посмотрел на Барнта, стараясь запомнить его лицо. Он хотел вернуть меч.

Колт еще раз потянул его за руку.

– Пойдем, Джорон.

– Ищите незнакомцев, а потом доставьте их ко мне, – сказал Барнт. – Я хорошо за них заплачу, а они полной мерой ответят за то, что сделали! – В ответ послышался одобрительный рев – редкие дети палубы не любили казни; и чем ужасней и кровавей была смерть преступника, тем лучше.

Джорон и его небольшой отряд начали уходить, когда супруг корабля снова повысил голос.

– Вы! – Джорон не сомневался, что он обращается к нему, такой уж была его удача. Он повернулся, опустив голову, стараясь сохранять почтительный вид и не показывать лица. – Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. – Джорон повиновался, поднял голову и, как положено детям палубы, умудрился смотреть на офицера, не глядя ему в глаза.

– Да, супруг корабля, – ответил он.

– Что ты делаешь с ветрогонами? – спросил Барнт.

– Мы уводим их с кораблей, супруг корабля, – ответил Джорон. – Ведем дальше по дороге, супруг корабля. – Спокойствие начало покидать Джорона, он увидел, как Колт положил ладонь на рукоять курнова.

– Я тебя не узнаю, – сказал супруг корабля. И после этих слов, казалось, проснулся злой дух, дымный воздух пришел в движение, и взгляды всех детей палубы сосредоточились на Джороне и женщинах и мужчинах, которые были с ним. – Нет, я совсем тебя не узнаю.

Песчинки сыпались в песочных часах. В тот момент, когда упадет последняя, часы перевернут, трудное решение будет принято.

Охваченный паникой, Джорон сделал вдох.

Уверенность в неизбежности насилия.

– Мир, Барнт, – заговорил мужчина, который уже пытался его увести. На нем была шляпа хранителя палубы с одним хвостом – лицо именно этого человека показалось Джорону знакомым. – Я его видел раньше – не помню где, но я его встречал.

Барнт посмотрел на хранителя палубы.

– Ладно, Висс, – сказал он. – А ты... – он повернулся к Джорону, – тебе не следует стоять на дороге с двумя ценными ветрогонами. Отведи их в Большое Жилище.

– Слушаюсь, супруг корабля, – с быстрым поклоном ответил Джорон.

Они пошли дальше, а Колт оказался рядом.

– Нам повезло, – сказал Колт. – Я уже думал, что мы сейчас отправимся к Старухе.

– Однако слова супруга корабля распространятся, и... – со вздохом сказал Джорон.

– Подумай, Джорон, многие здесь не знакомы друг с другом. Сколько людей, кроме твоей команды и моего корабля, ты узнаешь на острове? Всего нескольких, верно? Нет, супруг корабля лишь посеял хаос, который может нам помочь.

– Надеюсь, что так, – сказал Джорон.

Они стали подниматься по крутому склону холма, женщины и мужчины уступали им дорогу, когда видели, что они охраняют ветрогонов, – мало кто хотел оказаться рядом с говорящими-с-ветром. Повсюду разгорались споры, небольшие группы требовали друг у друга обосновать свое право находиться на острове. Но ветрогоны были чем-то вроде пропуска, что позволяло маленькой группе двигаться, не вызывая вопросов, и у Джорона возникла идея. Он подошел к Колту и тронул его за руку.

– Что?

– У меня появилась мысль, – сказал Джорон. – Мне ее подарил супруг корабля. – Колт приподнял бровь. – Ветрогон, иди сюда. – Говорящий-с-ветром прыжками приблизился к ним.

– Что хотеть?

– Как ты думаешь, ветрогоны с кораблей, которые находятся в Большом Жилище, последуют за тобой? – спросил Джорон.

– Следовать, следовать? – Он щелкнул клювом. – Некоторые – да. Некоторые – нет. Ветрогон страх.

– Мы здесь, чтобы забрать наших людей, Джорон, – сказал Колт, косо посмотрев на ветрогона.

Джорон слишком легко забывал, как неудобно чувствуют себя люди рядом с этими существами.

– Да, – согласился Джорон, – но ты же слышал, что сказал супруг корабля. Ветрогоны представляют для них ценность. Они нанесли нам серьезный удар, забрав Безопасную гавань, может быть, мы сумеем причинить им заметный урон, если украдем их ветрогонов. – Колт ничего не ответил, и Джорон добавил: – Ты только представь, насколько эффективнее мы станем, если каждый наш корабль будет иметь говорящего-с-ветром.

Через секунду Колт улыбнулся.

– Ты очень коварный парень, Твайнер. Но где находится Большое Жилище? Нам только сказали, что нужно идти «вверх по склону».

– Рядом ветрошпиль, – сказал ветрогон, – всегда рядом ветрошпиль.

– Но ветрошпиль не лежит на нашем пути к дальней части острова, – заметил Колт. – Самый легкий путь проходит вдоль основания острова, а если наши люди устанут, им не хватит сил взобраться по крутому склону.

– Я сам пойду туда, им не потребуется подниматься наверх, – предложил Джорон.

– Я с тобой, – заявила Анзир.

– И я, – добавила Фарис.

– У тебя верные люди, – сказал Колт. – Очень хорошо, я и мои дети палубы пойдем с тобой, но сначала нам нужно отправить всех остальных. Когда мы встретимся с Брекир в Жилище, я расскажу ей о нашем плане, но мы отправимся туда в том случае, если на корабле будет достаточно места для птиц.

– Хорошо, тогда поспешим, – ответил Джорон.

И они быстро зашагали по Змеиной дороге, не такой роскошной и широкой, как Змеиная дорога в Бернсхьюме, но построенной по такому же плану. Там, где Бернсхьюм гордился своей славой, в Безопасной гавани лежали лишь сгоревшие останки жителей острова. Дважды

Джорон был уверен, что видит тела тех, кого, вероятно, огонь застал врасплох во время одного из первых пожаров. Он хотел вернуться, отыскать молодого супруга корабля и разобраться с ним. Пожары до сих пор полыхали по всей Безопасной гавани. Противоестественное, пурпурное или зеленое пламя сопровождало их вдоль всей дороги, где оставили слюну старухи, чтобы она отравила землю.

Но у него был долг.

Большое Жилище появилось перед ними из вонючего дыма, изогнутую крышу так и не доделали, главным образом из-за недостатка материалов, а не доброй воли. Крыша состояла из плоских кусков обработанного джиона. Для строительства использовали заостренные стебли вариска, окружавшие основание Жилища. У ворот стояли два морских стража. Джорон огляделся по сторонам – в темноте находились люди, и он не знал, на чьей они стороне – его или Барнта, но увидел знакомую фигуру, появившуюся из тумана и подошедшую к морскому стражу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.